

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить всех авторов Литературной газеты Путник, откликнувшихся на наш призыв и принявших участие в конкурсе ТОП-10 Проза. Эта книга – плод коллективного их творчества. Она состоит из небольших по объему рассказов, которые легко прочитываются за один раз. Надеюсь, читатель по достоинству оценит творчество наших конкурсантов.

Главный редактор электронной [Литературной газеты Путник](#)

Николай Довгай

Оглавление

Бауржан Тойшибеков	4
Афоризмы.....	4
Михаил Соболев	10
Недотроганный	10
Наталья Елизарова	17
Прекрасна дама из «5-Б»	17
Настроение.....	26
Прима-балерина	27
Сомики	28
Андрей Козырев.....	31
Что рассказал старый трамвай.....	31
Чувства старого ордена	32
Разговор с ночным дождем.....	34
Вита Шафронская (Пшеничная)	37
Легкое касание	37
Олег Глушкин	42
Зеленый коридор	42
Алла Любимова	49
Морские горбешки	49
Александр Рубцов	52
Шаблоны.....	52
Странно	53
Свадьба	55
Илья Криштул	59
Соперницы	59

Оглавление

Михаил Мартыненко	61
Быть самим собой.....	61
Про жадность	63
Про дружбу	65
Про послушание.....	66
Потеряшка	67

Гл. редактор альманаха Николай Довгай.

Верстка – Николая Довгая.

Дизайн обложки – Николая Довгая.

При публикации альманаха «Топ-10 Проза» на других ресурсах ссылка на сайт Литературной газеты Путник <http://litputnik.ru> обязательна

Иллюстрации к сказкам Михаила Мартыненко Ярослава Мишина

Бауржан Тойшибеков

Афоризмы

* * *

Жизнь – это когда у меня есть вопросы к Богу, а смерть – это когда у Бога будут вопросы ко мне.

* * *

Хуже комплекса неполноценности может быть только комплекс сверхполноценности.

* * *

Все мы рождаемся ангелочками, а умираем падшими ангелами.

* * *

Лучшая диета – это питаться так, чтобы не нуждаться в какой бы то ни было диете.

* * *

Главное в яблоке знания — это червь сомнения.

* * *

Гора может родить мышь, но мышь не может родить гору.

* * *

Когда к власти приходят психи, они вовсе не закрывают психушки. Они сажают туда

нормальных.

* * *

Даже то дело, которое можно отложить, следует делать так, словно его нельзя отложить.

* * *

Хитроумие похоже на ум, как обезьяна на человека.

* * *

Человек должен быть, как время, которое никогда и никуда не спешит, но всегда и повсюду успевает.

* * *

Жизнь, как автобус: сидячих мест меньше, чем стоячих, а лежачих мест вообще нет.

* * *

Смерть есть не вечный сон, а лишь мгновение сна, за которым следует вечное бодрствование.

* * *

Друга без недостатков вправе искать лишь тот, кто сам без изъянов.

* * *

В настоящем искусстве всегда так: новое становится старым, а старое - вечным.

* * *

Бог лично встречает всех своих гостей, кроме незваных.

* * *

Мудрость – это ум, согретый сердцем.

* * *

Счастье чёрной вороны в том, что она не белая.

* * *

Пешка может занимать место короля не только в шахматах.

* * *

Да, телевизор — это окно в мир...Но нельзя же всю жизнь просидеть у окошка!

* * *

Умереть — значит покинуть людей, живущих на земле и присоединиться к людям, живущим на небесах.

* * *

Если бы голоса можно было бы взвешивать, а не считать, то победителем любых выборов всегда выходило бы не большинство, а меньшинство.

* * *

Иногда овце, чтобы не опаршиветь, достаточно лишь отбиться от стада.

* * *

Цифры, взятые с потолка, всегда высокие.

* * *

Оставить след можно в науке, искусстве, литературе, а в истории можно только наследить.

* * *

И моцарты отравляют сальери – ядом зависти.

* * *

Худшее, что может ожидать идею или сумму идей, - не смерть, а вырождение в идеологию.

* * *

Самое трудное в искусстве – это добиться исключительного в рамках правил.

* * *

У компьютера есть мозги, но нет сердца. Почти как у интеллектуала.

* * *

Молчание болтуна – вдвойне золото.

* * *

У хорошего художника бывает гораздо больше шансов написать плохую картину, чем у плохого художника – написать хорошую.

* * *

Если рождение – это путь из небытия в бытие, то смерть – это путь из бытия в инобытие.

* * *

У судьбы для человека сто дверей – и если она закрывает перед ним одну, то девяносто девять остальных она держит для него открытыми.

* * *

Дети редко совершают дурные поступки, не имея перед глазами примера взрослых.

* * *

От ума до остроумия гораздо ближе, чем от остроумия до ума.

* * *

У этого преступления не было свидетелей. Но, как всегда, был Свидетель.

* * *

Чем больше учишься на чужих ошибках, тем меньше допускаешь своих.

* * *

Начало учения – это когда человек ничего не знает, а конец – это когда он знает, что он ничего не знает.

* * *

Если добро, сделанное вами ближнему, не возвращается от него, то радуйтесь: значит, оно возвратится от Бога.

* * *

Лучше промедлить и опоздать на час, чем поспешить и опоздать на день.

* * *

Единственный учитель, которому дозволяется учить нас с помощью розги, - вот что такое опыт.

* * *

Враг, указывающий тебе на твои недостатки, - почти что друг.

* * *

Хороший человек помогает другим нести их крест – и даже не считает это своим крестом.

* * *

Если Фемиду изображают с мечом в одной руке, то логично было бы изобразить в другой её руке отрубленную этим мечом голову преступника.

* * *

Крылья помогают летать и мешают ходить.

* * *

Дно лужи – связующее звено между дном стакана и дном жизни.

* * *

Бездарность – это спящий евнух, которому снится, что он султан.

* * *

Если вы одарите десять человек десятью яблоками, то каждому из них достанется по одному яблоку, а если вы одарите десять человек десятью мыслями, то каждому из них достанется по десять мыслей.

* * *

Настоящая любовь – это такой пожар, который не в силах потушить даже такой опытный пожарный, как брак.

* * *

Не бывает глубины без поверхности, но бывает поверхность без глубины.

* * *

Все на выборы из одного зла!

* * *

Критика без самокритики – это как если бы человек умывал других, а сам ходил с грязным лицом.

* * *

Спор умного с глупцом не делает глупца умным, но делает умного глупцом.

* * *

Молодость – это когда проходишь мимо пивной и заходишь в бордель, средний возраст – это когда проходишь мимо борделя и заходишь в пивную, а старость – это когда проходишь мимо борделя, мимо пивной и заходишь в аптеку.

[Авторская страница Бауржана Тойшибекова на сайте
Литературной газеты Путник](#)

Михаил Соболев

Недотроганный

В начале восьмидесятых довелось мне поработать несколько лет грузчиком-экспедитором в агентстве по доставке мебели населению. Устроиться на работу в «Лентрансагентство» было нелегко, ибо в те годы только там да ещё, пожалуй, в таксопарке можно было за свой труд получать приличные деньги без риска оказаться за решёткой.

Возглавлял агентство бывший боксёр С. Личность в Ленинграде известная, он начинал свою спортивную карьеру в секции ленинградского «Динамо» в одно время с легендарным Валерием Попенченко.

Генеральный при приёме на работу отдавал предпочтение бывшим спортсменам. «Бывшие», в свое время досыта хлебнув славы, а потом, «выйдя в тираж», спивались. Идти подсобником или учеником токаря на завод им не хотелось - горно, как же! Да и платили там гроши. В агентстве же, работа, хотя и на износ, по двенадцать часов с одним выходным в неделю, но в то же время не у станка. И деньги – неплохие и сразу. Так что мужики на «доставке» подобрались все, как один, крепкие, тренированные. Поблажки новенькому не давали, и,

несмотря на борцовское прошлое, втягиваться мне было нелегко.

В новостройках, где лифт ещё не работал, было особенно тяжело. Лифт «коммунальщики» отключали специально, чтобы с новосёлов за его запуск поборы брать. Вот и приходилось нам попотеть. Занести на четырнадцатый этаж вдвоём три мебельных гарнитура: «гостиную», «спальню» и «кухню» – удовольствие, скажу я вам, то ещё! За смену надо было делать три-четыре таких рейса. Это, если не считать мелочёвку. Но, правда, и зарабатывали неплохо

хо. При удачном раскладе за один день можно было заложить между страниц «Капитала» месячную зарплату квалифицированного ленинградского рабочего.

А после работы, в автопарке, в кабине «мебелевоза», как водится, выпивали. Закуска - на расстеленной газетке, бутылка зажата между ног, чтобы не упала, гранёный стакан - один на всех... Напряжение снимали. В тот вечер – а дело было в субботу, в канун выходного – сидели мы в кабинке «Газ-52» и расслаблялись. Водителем с нами работал Кирилл Васильевич, мужик уже пожилой, – до пенсии дорабатывал. Мебель не таскал, но город знал назубок: въезды, выезды, проходные дворы, типы домов, подъезды к ним... Клад, а не водитель.

Но и потрепаться Василич любил, хлебом его не корми! И в этот раз, пропустив по первой и закурив, стал травить очередную байку.

- Вот мы, ребята, сегодня «бабки» заработали. Радуетесь, как дети малые, - водитель закашлялся. - А почём фунт лиха, и не знаете. Деньги - что? Мусор... На них радость не купишь... Поведу я вам историю, так и быть... - Василич любил рассказывать обстоятельно, не торопясь. Книжечки он почитывал. Выражения порой в речь его вкрадывались умные, а словесные обороты – книжные.

Тайком вздохнув и посмотрев на часы, мы с напарником приготовились слушать.

- Да!.. Я сам - детдомовский, рассказывал уже... Зимой сорок первого мне в аккурат шестнадцать исполнилось. Пошёл в военкомат. Немец уже Питер окружил... Возьмите, говорю, на фронт, а то сбегу... Годок себе прибавил, конечно. Однорукий дежурный майор обматерил меня и прогнал. Подрасти, мол, сначала, вояка, – Василич помолчал.

- Но, видать, на заметку меня взяли... Через год, когда уже в городе кошек жрать стали, вызывают. В этот раз особист беседовал... «Хочешь, - спрашивает, - послужить Родине»? «Хочу!» – говорю, - а у самого сердце прыгает. - Полтора года натаскивали. Только - немецкий и рация. День и ночь - морзянка, засыпал на ключе... Почерк вырабатывали. Чтобы знать, кто на связь выйдет. Ну, ещё с парашютом три раза прыгнул.

Осенью сорок четвёртого погрузили ночью в транспортный самолёт. А под утро сбросили. Шесть человек нас было: все «волкодавы» - НКВДшники и я, пацанёнок, с ними... Куда? Зачем? Ничего я не знал...

Кирилл Васильевич размял беломорину и помолчал, задумавшись. Кожа на острых скулах натянулась, морщинистое лицо заостенело. Перед нами сидел старик - одинокий, большой и уставший от жизни.

- Не томи, Василич, - попросил я старика.

- Наливай, Михаил, по второй, - велел водитель. – Эх, как её только беспартийные пьют! - крякнул он, поморщившись.

- Да!.. Приземлились мы в лесочке, под Берлином. Немцы-антифашисты встретили. Разобрали по одному, попрятали. Я в свинарнике хоронился, с Борькой-боровом, или как там у них, немцев, кабанов называют?.. А на следующую ночь так же, по одному, провели в город. И через люки спустили в канализационный коллектор. А там уже ждали ребята-разведчики - те, кого мы сменить прибыли.

Кирилл Васильевич закурил, попыхал папироской.

- Соскользнул я по осклизлой ржавой лесенке в колодец и словно на тот свет попал. Будто рубикон перешёл. Старики говорят: это было до войны. А я про себя так считаю: это было до коллектора, а то - после...

В первый момент ничего не видел: тьма, сырость и дух канализационный. Переступил ногами – вода... Хлюпнуло громко, как в пустой бочке. Постоял, прислушиваясь: могильная тишина, будто заживо меня погребли.

Да... Постоял я так несколько минут, боясь двинуться и держась за лесенку. И чувствую: дыхание сзади в затылок, и сразу кто-то большой и сильный обхватил меня одной рукой за шею, а другой закрыл рот вонючей перчаткой. И правильно сделал: я чуть было не заорал во весь голос с перепуга.

«Подкидыш»? – спросил мужской простуженный голос. - А у нас у всех клички были оперативные. Имён и фамилий друг друга мы не знали даже в спецшколе. Я головой кивнул, рот-то зажат. «Ну, здорово, Подкидыш, с опущением тебя», – не обидно, по-доброму хохотнул незнакомец. «Пошли», - мужик отпустил наконец мою голову, дав возможность дышать, и потянул за рукав. Так и волок меня, как послушного телка на убой ведут, молча, в полной темноте, по какой-то жиже, которая то чавкала, то хлюпала. Шли долго... Проводник молчал. Лишь изредка вполголоса предупреждал: «Наклони голову, ступеньки, камень...»

Иногда останавливались и слушали. Я давно потерял счёт времени, выполнял команды, шёл, шёл и шёл... Потом глаза немного привыкли к темноте, и я стал различать стены туннеля, свод, более тёмные пятна ответвлений. Когда проходили вблизи выходящих на поверхность колодцев, чуть светлело... Наконец дошли и встали. Я услышал тихий разговор моего провожатого с другим разведчиком, а потом скорее почувствовал, чем увидел, мужскую фигуру в плащ-палатке... Продвинулись ещё вперёд... Мой проводник зашуршал брезентом, и в глаза неожиданно ударил ослепительный свет прожектора.

« Все! Засада!!!» - мелькнуло в голове.

Я, было, дёрнулся, но тут уж меня схватили крепко и силой втащили куда-то за занавеску. Жёсткий брезент царапнул по щеке. То, что я принял за прожектор, оказалось электрической лампочкой, питающейся от аккумуляторной батареи...

- У нас осталось? – водитель приподнял бровь.

Я разлил остатки водки на двоих: сначала Василичу, тот глотнул без закуски, утерев блеснувший железными зубами рот ладонью, затем случайному моему напарнику, Сергею. Сам пить не стал – водки и так осталось мало. Василич – мне, как батька, а «волк» Серёга был на водку жаден... наших неофициальных помощников мы звали «волками». В агентстве они не числились, зарплату, естественно, не получали, и таскали мебель с нами за выпивку да за долю от того, что удавалось заработать нелегально.

- Так и началась моя подземная одиссея, - продолжил Василич. - Под Берлином с самого начала войны, а, кто знает, может быть, и раньше, базировалась разведгруппа. Разведчики передавали зашифрованные радиogramмы на Большую землю. В определённое время в заранее условленном месте коллектора забирали шифровку. Ночью высывали из люка антенну, и

в эфир неслись точки и тире... Отстучав радиограмму, срочно уходили по коллектору. Боясь пеленга, путали следы. На поверхности работало много разведчиков, внедрённых ещё до войны. Что бы там ни говорили после про Лаврентия Павловича, а бериевская разведка своё дело знала. И войны, может, не началась бы, кто знает, если на верху... А!.. - махнул рукой водитель.

- Наша «подземная» группа была лишь одним из винтиков берлинской резинтуры. Снабжали нас хорошо: поставлялись продукты, кипяток в термосах, аккумуляторы и обмундирование. Раз в полгода людей сменяли. Так и мы с неделю натаскивались «старенькими», которые постепенно, по одному, выводились на поверхность.

На темноту, сырость и смрад я скоро, попривыкнув, перестал обращать внимание. Донимали крысы... Коллектор буквально ими кишел. Огромные, как кошки. Мутировали они, что ли? Говорят, фашисты в подземных лабораториях ставили на животных медицинские опыты. Целые полчища крыс появлялись вдруг ниоткуда и так же внезапно исчезали. Оказывается, - я потом почитал про крыс - они ходят по кругу, как волки. Наши тоже где-то шастали, не видать их было... А потом, раз в три дня, у нас появлялись, как по часам. Расписание у них такое, видать...

Когда я первый раз увидел это копошащееся и пищащее воинство, то почувствовал такое омерзение, что схватился за обломок кирпича. Старший разведгруппы, из «стареньких», заблокировал мою руку: «Рехнулся?! Тебе же с ними жить тут полгода! Никогда больше так не делай!»

И хорошо, что остановил. Наживать себе врагов-соседей было, конечно, неразумно...

Ну, ладно, ребяташки: время уже позднее. Пора, как говорится, до дому до хаты. Как-нибудь я вам расскажу, чем дело-то кончилось.

Прибрав в кабине и закрыв мебелевоз, мы дождались, пока Василич сдаст путевой лист в диспетчерскую. К сшитому из дерматина футляру для документов полагалось пристегнуть рублевую купюру. В агентстве за всё про всё приходилось платить: механику на въезде – двугривенный, смазка и мойка – рубль, врачихе на утреннем медосмотре – целковый. У всех водителей на «корочках» была прикреплена огромная канцелярская сцепка. Специально для этих целей. Документы в окошечко подавались рублём вниз, будто и нет его. Ну, а возвращались назад, водителю, уже без рубля. Это сейчас коммунисты в Думе сказки рассказывают, как честно при Советах жили. Всё то же самое было, только не говорили о том открыто...

Выйдя за проходную, мы попрощались с жившим неподалёку «волком» и направились пешочком в сторону Кондратьевского проспекта ловить такси. Июнь месяц, белые ночи, завтра выходной – благодать!

- Василич, - предложил я. – А не заглянуть ли нам с тобой к бабке?.. Посидим за столом, как белые люди. Историю свою мне расскажешь до конца?! Замечательный ты рассказчик, старина, - польстил я водителю.

- Ну, к бабке, так к бабке, - махнул рукой Кирилл Васильевич. – Неохота домой, никто меня там не ждёт...

На углу Кондратьевского проспекта и улицы Ватутина, как раз напротив отделения милиции, в старом, подготавливаемом к сносу доме, жила пожилая женщина. Настоящее её имя мы не знали. Бабка и всё! А она и не обижалась... Основной статьёй дохода женщины, кроме нищенской пенсии, разумеется, была продажа крепких спиртных напитков в неурочное время по спекулятивной цене. Милиция её не трогала...

- Василич, а ты что же, неженатый? – поинтересовался я.

- Разведён, - буркнул водитель.

- Прости.

- Да я уже в четвёртый раз, привык...

Постучав в угловое окошечко – бабка жила на первом этаже, – мы поднялись на один пролёт тёмной грязной лестницы и прошли за отворившей нам дверь бабусей на кухню. Она знала всех агентских в лицо и не боялась.

- Бабуля, организуй нам бутылочку водки и что-нибудь закусить, холодненького, - попросил я.

Выпили, закурили, я уселся поудобней.

- На чём я остановился-то, Михаил? - выдохнул дым водитель.

- Про крыс ты рассказывал, Василич.

Я уже в то время коллекционировал интересные истории.

- Ага, про крыс... Так вот, в трубе жизнь, как ты сам понимаешь, - не сахар. Старшие всё время куда-то ходили: изучали схему тоннелей, пути отходов, запасные выходы... А моё дело – рация, батареи аккумуляторные. Поднимут среди ночи, всегда неожиданно, - идём на точку. Отстучу ключом шифровку и - ходу! Опять четыре-пять дней - без дела. А я - молодой мальчишка, мне двигаться хочется. Запел раз – по морде схлопотал. Все на нервах, злющие! Нельзя шуметь! Нельзя свет жечь! Нельзя! Нельзя! Нельзя!..

И стал я с крысами разговаривать. Насыплю яичного порошка на фанерку, поедят они и садятся столбиками передо мной полукругом. Лапки на груди сложат, глазки-огоньки в темноте на меня смотрят, не отрываясь, – слушают, что я рассказываю. Особенно один выделялся – крупнее других, вожак, повиновались они ему беспрекословно. Я его Кирой звал, как мама меня в детстве. Маму помнил смутно, дома она бывала редко. Всё время на работе, партийная. Арестовали её ещё в тридцать пятом. А батьку не знал совсем. Лётчиком, говорили, служил, погиб... А как на самом деле оно было, мне неизвестно... Тридцатые годы, лишнего не спросишь, сам понимаешь.

Да, крысы... Привык я к ним – поверишь? - когда возвращались, радовался, как ребёнок. У Киры голос – не как у других. Все попискивали, а он как бы рычал приглушённо, что ли. Всегда рыкал, когда возвращался, - здоровался, значит. А потом и подходить стал, гладить разрешал. Усами щекочет ладошку, шёрстка мягкая, сам тёплый...

Я, знаешь, Михаил, последнее время от нечего делать к чтению приистрастился. Даже в библиотеку районную записался на старости лет. Дома сидишь один, как сыч. Откроешь книгу

и не так, вроде, тоскливо. Как бы уже и в компании... Так вот, попалась мне тут брошюрка психолога одного, женщины... Как звать - забыл, а пишет она интересно и понятно. Утверждает, что есть такое понятие: «недотроганные дети». Мол, ребёнка надо трогать. Не только говорить с ним, но и обязательно гладить, щекотать, за ушком чесать, волосики перебирать. А то вырастет недотроганным и потом сам приласкать никого уже не сможет. Вот и я недотроганный вырос. Матери некогда было, она светлое будущее строила для всех на земле, значит... Няньке – пофиг, батю я не знал... Увижу, как мужик ребёнка вверх подбрасывает, а тому страшно и радостно – веришь, ком в горле...

Вот и крыс, будто родной стал мне. Глажу его, бывало, а сам слезу сдержать не могу. Всё ему рассказал, всю жизнь свою: как маму увели, как в детдоме били, как девочка, которую любил, насмеялась надо мной. Кира понимал меня, даже говорить со мной пытался, по-своему, по-крысиному...

Ну, давай ещё, по пятнадцать капель... А ты чего, Михаил?

- Не, Василич! Я вообще-то не по этому делу. Так, за компанию когда... Ты пей, старина, на меня не смотри. Закуси: огурчики вот, капуста квашеная...

- О чём это я?.. – стал вспоминать Кирилл Васильевич, опрокинув в себя очередные сто граммов и похрустев огурцом.

- Да... Вспомнил... Берлин всё чаще бомбили. Тошно сидеть в темноте, когда земля содрогается от взрывов и за шиворот сыпется. Самое страшное, что сделать ничего нельзя. На передовой я никогда не был, но мне казалось, там легче: видишь врага, стреляешь-воюешь. А тут сидишь и ждёшь, когда тебя завалит или затопит, если где труба лопнет...

Тут ещё и «небезуха» пошла... Сначала бабу - немку пьяную и голую ночью в колодец сбросили. Ногу она поломала при падении. Как она кричала - волосы дыбом вставали... Мы связного ждали неподалёку. Басмач, командир, чтобы не навела на нас, придавил немку. Вытащили наверх, бросили в переулке...

Жалко, а что сделаешь...

Потом двое наших случайно наткнулись на троих немцев, рабочих-ремонтников. В освещённый тоннель из-за поворота вышли, а те отдохнуть присели. Этим тоже «почикали». Они и пикнуть не успели... Трупы в тупик затащили, комбинезоны, сам понимаешь, сняли. Один немчик щупленький был, на меня как раз одёжка пришлась.

А связи всё не было. Нам, вроде как, и сменяться пора уже – шесть месяцев отбыли, как один денёчек! Послал Басмач бойца на запасную явку, в «цивильном», без оружия. Три дня прождали – нет!.. Сцапали парня, видать. Сменили базу на всякий пожарный.

Что делать? Выходить без связи – равносильно смерти. Как-то раз пошли ночью на точку, где шифровки брали, и нарвались на засаду. Жандармы с собаками нас, судя по всему, ждали. Одессита зацепило, пришлось пристрелить. Еле оторвались: по горло в дерьме уходили, следы специальным составом побрызгали.

Я «остыл», вода под землёй - ледяная: горел весь, сил не было, спотыкался на каждом шагу. Оставили меня в боковом ответвлении, накрыли, чем можно. Выпросил у Басмача «Вальтер» и гранату. Ребята ушли на разведку утром. Кроме меня, в живых ещё трое оставались.

А часа через полтора, слышу, бой завязался. Далеко. Минут через сорок всё стихло. Забился я в самый тёмный угол. Лежал, стуча зубами, а в мокром от пота кулаке граната дрожала, как живая... Ночью бредить стал: тепло вроде бы мне, одеялом мамка ватным укрыла, печка жаром пышет. И войны как будто нет ещё. Согрелся и забылся...

Пришёл в себя, действительно, я укрыт одеялом, тёплым. Только шевелится моё «одеяло» и пищит. А Кира, родной мой крыс, в ладонь мордой тычется и порыкивает. За собой вроде зовёт...

И так я этому крысёнку поганому обрадовался, до слёз аж. Прижимаю его к лицу и рыдаю, как девчонка сопливая. Ничему в жизни так не радовался! Так и выбрался я следом за Кирой из коллектора. Когда терял сознание, он покусывал меня за руку и заставлял двигаться. А, может, и мерещилось мне это? Не в себе я был тогда... - водитель помолчал.

Когда в комбинезон немецкий одетый на поверхность выполз, в бреду был... Недолго я валялся в кустах, как падаль. Взяли меня жандармы, в тюрьму бросили. Хорошо, что я переоделся и по-немецки лопотал хоть что-то, да и наши уже город брали. Не до меня жандармам было, а так бы - конец...

Вот и вся история, Михаил, – Кирилл Васильевич вздохнул и потянулся за папиросами.

Долго молчал старик, задумчиво дымя «Беломором»... Я не смел прервать его воспоминания. Наконец водитель затушил в пепельнице папиросу и промолвил:

- А знаешь, Михаил, жизнь я прожил непростую, всяко бывало. И плохое, и хорошее. С бабами мне вот не везло, а, может быть, я и сам такой - недотроганный... Детей Бог не дал. И никого, если разобраться, я не любил так, как крыса своего. Да и ко мне никто не привязывался так, как Кира...

- Василич, а дальше-то как?

- А дальше уже и неинтересно: Берлин взяли, меня освободили из одного застенка, и сразу же - в другой, наш. Хорошо, что не шлёпнули, победе радовались... А потом... Потом - лагерь на Урале. Освободился в пятьдесят третьем доходягой чахоточным. Года четыре жил там же, под Пермью, воздухом таёжным, молоком козким, травами лечился. В пятьдесят седьмом в Ленинград вернулся, комнату дали в коммуналке, как реабилитированному. Скоро на пенсию выйду... Обменяю комнату на домик в деревне, буду крыс разводить.

© Copyright: Михаил Соболев, 2010

[Авторская страница Михаила Соболева на сайте Литературной газеты Путник](#)

Наталья Елизарова

Прекрасная дама из 5 «Б»

Я бегу изо всех сил, стараясь не опоздать на урок. Перескакиваю через ступеньки, спотыкаюсь, расталкиваю первоклашек. «Смирнов! — слышу за спиной гневный женский окрик. — А ну вернись сейчас же!» Чертыхаясь про себя, «жму по газам» и в ту же секунду меня хватает за шиворот Зубастая, наша завучиха.

У неё есть нормальные имя и фамилия — Алла Викторовна Ищенко, но никто от старшеклассника до первоклашки их не помнит. Все зовут её «Зубастая», хотя с зубами у неё тоже всё в порядке. Своё прозвище она получила за свой хищный и скандальный нрав, придававший ей сходство с акулой. Зубастую побаивались даже отъявленные хулиганы: за малейшую провинность она поднимала «бучу» с грандиозными разбирательствами на линейке в присутствии всей школы, вызовами родителей, привлечением инспектора по делам несовершеннолетних. Связываться с ней было себе дороже, поэтому я, как и все остальные старался обходить её десятой дорогой. Но сегодня мне не повезло.

— Куда разогнался?! — встряхнула она меня за ворот куртки. — Не видишь, дети стоят!

«Дети», сбившись в кучку в своих белых накрахмаленных фартучках и новеньких ранцах, испуганными глазами смотрели на неё. В них не чувствовалось благодарности к Зубастой за её заступничество, напротив, они боялись как бы и им тоже за что-нибудь не перепало.

Я пробурчал слова извинения, а сам подумал: «Всё, теперь уж точно опоздаю». В эту минуту в подтверждение моим мыслям прозвенел звонок, на минуту заглушивший вопли Зубастой. Неожиданно она выпустила меня из рук. Опешив, я невольно посмотрел в ту сторону, куда метнулись её глаза. Из туалета, воровато озираясь, выходили два десятиклассника. Как по команде, оба стремительно забросили в рот по жевательной резинке и заработали челюстями. Губы Зубастой растянулись в хищной улыбке: «Курили, голубчики!» Я, воспользовав-

шись моментом, дал стрекоча. «Куртку в гардероб сдай, остолоп!» — неслось мне вслед. В класс я вбежал в тот момент, когда математичка уже писала на доске новую тему урока. — Быстрее, Смирнов, — недовольно бросила она.

Я ожидал худшего. Обычно после опоздания она в класс уже не впускала.

Плюхнувшись на своё место, я перевёл дыхание. Математичка скребла мелом по доске, выписывая скучные формулы. Сидевшие на первых партах отличники жадно ловили каждое её слово. Интересно, они ещё о чём-то думают, кроме своих вожделенных медалей?

Мой сосед Генка, высунув кончик языка, сосредоточенно рисовал «бумер». Он до умопомрачения любил современные тачки и на каждое занятие приходил не с учебниками и тетрадками, а с автомобильными журналами, которые прятал на коленях под партой. Своё восхищение какой-либо машиной или, напротив, неодобрение он выражал двумя неизменными фразами: «Во, кайф!» и «Говно!» Время от времени до слуха учителей доносилась какая-нибудь из этих фраз, и тогда Генку выгоняли за дверь. Под эти два восклицания у меня до недавнего времени проходили все школьные занятия. Но однажды к нам пришёл новый учитель русского языка и литературы, и всё изменилось.

Валерий Константинович появился в тот самый момент, когда от скуки на уроках начали засыпать даже отличники. Высокий, красивый, спортивный он сразу же, как только вошёл в класс, приковал к себе внимание всех без исключения девочек. В его присутствии они вдруг почему-то сделались непривычно стеснительными, смущённо улыбаясь, полезли в карманы и сумки за зеркальцами. Пацаны недоверчиво хмыкали и оценивающе разглядывали его фирменный джинсовый костюм, стильный кожаный ремень. Даже Генка оторвался от своего журнала и во все глаза смотрел на нового учителя. Его наслюнявленный палец, приготовившийся перевернуть страницу, невольно застыл в воздухе. Спустя какое-то время интерес к тому, что говорил учитель, пересилил в Генке интерес к автомобилям и журнал был убран в стол.

Контакт нового преподавателя с классом был установлен сразу. У Валерия Константиновича была удивительная манера — он не навязывал своего мнения, как другие учителя, внимательно выслушивал каждого из нас. Занятия проводил ярко, занимательно, нестандартно. За короткое время Валерий Константинович завоевал такой авторитет в нашем 5 «Б», что уроки, предшествующие его занятиям, казались нам пыткой.

Меня изумляла и приводила в восхищение его эрудиция. После его занятий я вприпрыжку бежал в библиотеку. Мне хотелось знать хотя бы тысячную часть того, что знает он.

Однажды произошло то, чего я не ожидал от себя даже в самом страшном сне. Я показал ему тетрадку со стихами, которую украдкой вёл много лет, таясь от родителей и даже от своего друга Генки. Валерий Константинович не дал им никакой оценки, сказал, что мне нужно работать над рифмой, дал книжку по стихосложению. «Может мне не стоит писать?» — уныло спросил я, несколько разочарованный холодностью его реакции на мой порыв показать сокровенное постороннему человеку. «Не тот писатель, кто умеет писать, а тот, кто не может не писать», — ответил мне учитель. Эта фраза так потрясла меня, что я записал её в блокнот, как афоризм.

Не писать я не мог. А писал, конечно, о любви. Я, правда, и сам не знаю, кому могли быть посвящены эти стихи. У меня не было девчонки. Я ни с кем ещё не дружил. Валерий Константинович условно назвал мою героиню «прекрасной дамой». Совсем как у Блока. Я осторожно и придирчиво подбирал кандидатуру, достойную этого высокого звания.

В классе у нас было восемь девчонок. Самая красивая из них Катька Воронова. Мы её звали Кэтрин. Она щеголяла в умопомрачительных коротких юбках и ходила в школу намазанная. Зубастая, время от времени наведывавшаяся в 5 «Б», брала её за руку и уводила в туалет умываться. Кэтрин дружила с десятиклассником, поэтому едва ли можно было рассчитывать, что она согласится на роль «прекрасной дамы». Две зубрилы Бочкина и Кочкина не устраивали меня по эстетическим соображениям: одна прыщавенькая, у другой на зубах «скобки». Смазливая и юморная Маришка Петрова больше всех остальных была мне по вкусу, но на неё тоже нельзя рассчитывать. Маришка — ярая активистка: то в КВНе участвует, то стенгазету рисует, то в хоре поёт. Ничего, кроме общественной деятельности, её не интересует. Две подруги волейболистки Маша Парусникова и Даша Гейко — «краса и гордость нашей школы», как неоднократно после выигранных ими соревнований говорил про них директор, — почти на две головы переросли всех пацанов, так что как возможный вариант их рассматривал разве что сумасшедший. Рыхлая, болезненная Света Панасюк, большей частью находившаяся на домашнем обучении, отпадала сама собой. Была ещё в нашем классе одна тихоня, носившая смешное имя Дуня. Но из «серой мышки» вряд ли получилась бы дама моего сердца. Да и кто захочет дружить с девочкой с таким нелепым именем? Вот, собственно, и все представительницы прекрасной половины нашего класса...

— Что ты всё время озираешься, Смирнов? — сделала мне замечание математичка. — Девочками надо интересоваться не во время занятий, а после. А лучше всего после сдачи экзаменов.

В классе засмеялись.

«Овца!» — со злостью подумал я, внезапно почувствовав, что лицо и уши стали горячими. Было досадно, что она догадалась, о чём я думаю. Мне стоило большого труда дожидаться окончания урока.

Зато на литературе моя измученная душа сбросила цепи и обрела крылья. Валерий Константинович по памяти читал Бродского, которого не было в школьной программе. Четыре потрясающие строчки притормозили моё лихорадочное желание поскорее в кого-нибудь влюбиться:

Как хорошо, что некого винить,

Как хорошо, что ты никем не связан,

Как хорошо, что до смерти любить,

Тебя никто на свете не обязан.

Я окончательно решил, что с выбором прекрасной дамы можно подождать.

...После последнего урока по химии я постарался отделаться от Генки, соврав ему, что останусь переписывать лабораторную. Когда Генка ушёл домой, я бросился к учительской и принялся поджидать Валерия Константиновича. Мне не терпелось поделиться с ним впечатле-

ниями по поводу сборника стихов Франсуа Вийона, которого он дал мне почитать. Озорной, хулиганский поэт мне страшно понравился. Сидя на подоконнике и болтая ногами, я весело повторял заученные наизусть строчки:

Я — Франсуа, чему не рад.

Увы, ждёт смерть злодея,

И сколько весит этот зад,

Узнает скоро шея.

Увидев Валерия Константиновича в сопровождении Зубастой, я поспешно спрыгнул с подоконника, но она всё равно увидела, что я на нём сидел и принялась меня распекать: «Ты бы ещё на потолок залез! Что за дети такие debilные?» Взглядом она искала поддержки у своего коллеги, но он лишь равнодушно смотрел мимо неё. Когда она ушла, мы оба облегчённо вздохнули. Не сделав ни одного комментария по поводу Зубастой, мы оба, казалось, разделяем одно и то же мнение на её счёт, которое с лёгкостью укладывалось в одно нехитрое математическое действие: склочница плюс истеричка помноженное на десять.

...Мы вышли из школы. Я с жаром обрушил на учителя восторги по поводу Вийона.

— Жаль, что ты обратил внимание только на эти его стихи, — выслушав меня, заметил Валерий Константинович. — Прочти его «Балладу истин наизнанку» и ты увидишь, что Вийон не только хулиган, но и философ.

Он заговорил о литературе и, заговорив, стал великим, как те, кого он цитировал. Я жадно вбирал в себя каждое его слово. Мы уже дошли до арки, за которой за частоколом тополей скрывался дом Валерия Константиновича, и я с тоскою ждал, что сейчас он со мной попрощается и уйдёт. Против обыкновения он предложил заглянуть к нему в гости. Я обомлел от неожиданности: это было пределом мечтаний!

...Переступив порог дома Валерия Константиновича, я остолбенел: никогда в жизни я не видел столько книг! Они не стояли как в школьной библиотеке запертыми в шкафах, подобно горделивым затворникам, и не являлись частью интерьера, как в доме моих родителей. Было видно, что книги здесь полноправные члены семьи, к которым прибегают за утешением в минуты грусти, с которыми советуются и спорят.

— Если захочешь что-нибудь почитать, пожалуйста, — великодушно разрешил учитель. — А теперь, извини, брат, что я о земных материях... Будешь яичницу?

Я начал было отказываться и говорить, что не голоден, но Валерий Константинович решительно меня прервал.

— После четырёх-го уроков? Да брось ты!

...Придвинув ко мне тарелку с глазуньей, Валерий Константинович посоветовал не стесняться и налетать на еду, а сам открыл маслёнку и принялся делать бутерброд. Я будто бы ненароком заикнулся о своих стихах.

— Ты понимаешь, Слава, дело ведь даже не в содержании... Вот ты пишешь о любви — чудесно, пиши! Только писать о любви — не значит талдычить: «Я тебя люблю, я тебя обожаю,

ты лучше всех на свете»... О чувствах мало просто говорить, их надо показывать... Помнишь, как у Ахматовой...

Так беспомощно грудь холодела,

Но шаги мои были легки.

Я на правую руку надела

Перчатку с левой руки.

— Видишь, она ни слова не говорит про то, что героиня испытывает смятение или волнение, но мы их и так видим...

— Потому что «на правую руку надела перчатку с левой руки»... — заморожено проговорил я, чувствуя себя в этот момент как посвящённый в тайное Братство.

— Теперь понял? — улыбнулся Валерий Константинович, отрезая ломтик колбасы. — А теперь ешь давай, поэт!

Я принялся уплетать ветчину за обе щёки. Мой взгляд упал на подоконник, на котором яркой обложкой пестрела книга со странным названием «Цветы зла». Я неуверенно взял её в руки.

— Читал Бодлера? — встрепенулся учитель. — О, брат, ты многое потерял! Обязательно прочти, тебе понравится.

Из книги выпал сложенный вдвое тетрадный листочек. Мы с Валерием Константиновичем одновременно нагнулись, чтобы его поднять. Мои глаза, бегло скользнувшие по бумаге, выхватили написанную неровным размашистым почерком фразу «я люблю Вас с первой минуты Вашего появления в нашей школе...» Ни фиги себе!

— Это вам написали? — нерешительно поинтересовался я.

— Забудь... — не глядя на меня, сказал учитель.

— Письмо анонимное? — продолжал допытываться я.

— Давай сменим тему! — в голосе Валерия Константиновича послышалось раздражение; он взглянул на часы и как будто бы что-то вспомнил. — О чёрт, совсем забыл! Мне нужно срочно ехать на вокзал, встречать из санатория тётку.

Через минуту без особых церемоний меня выставили за дверь с Бодлером подмышкой. Я в раздумьях отправился домой... Кто бы это мог ему писать? Я ни минуты не сомневался, что это девчонка из нашего класса: Валерий Константинович вёл занятия только в 5 «Б», а у параллельных «ашников» и «вэшников» — пожилая Ирина Львовна.

Я мысленно перебирал всех наших девчонок и не находил из них никого, кто мог отважиться на такой поступок. Признаться в любви учителю, да ещё не изменив почерк в письме — это было равносильно прыжку на амбразуру. На такое могла решиться разве что разбитная Кэтрин Воронова, да и то после джина с тоником.

Злополучное письмо не давало мне покоя всю ночь. Я ворочался с боку на бок, прикидывая, смог бы я, если бы влюбился в какую-нибудь училку, послать ей любовное письмо. Скорее

всего нет... Ну разве что предварительно отшлёпав его на «компе», чтобы, не дай бог, не узнали почерк.

...На следующий день я, так и не поборов искушение узнать имя таинственной незнакомки, решил пойти на хитрость. Когда одноклассники вышли на перемену в коридор, я полез шариться по столам и заглядывать в тетради, чтобы сличить почерк. Я чувствовал себя как разведчик на опасном задании и чертовски боялся, что вот-вот вернётся дежурный, который пошёл к умывальнику мочить тряпку и, увидев меня возле чужих парт, подумает, что я что-то собираюсь стащить.

...Наконец мне на глаза попались знакомые размашистые строчки... У меня аж дух перехватило. Я быстро перевернул тетрадь и взглянул на обложку: «Тетрадь по геометрии Скворцовой Евдокии». Ничего себе «серая мышка»!

...Все последующие занятия я сверлил глазами Дунин светло-русый «хвостик», ниспадающий из-под блестящей зелёной заколки. Она, видимо, чувствуя, что я на неё пялюсь, несколько раз обернулась и удивлённо посмотрела на меня большими серыми глазами.

...Я шпионил за ней целых три дня, забросив до лучших времён Бодлера. Мне удалось узнать, что по гороскопу она Рыба (об этом я догадался по маленькому кулончику с изображением рыбки, который она носила на тоненькой серебряной цепочке), что живёт она в кирпичной девятиэтажке по улице Крылова и что у неё есть собака по кличке Марго. Вот на этих скудных сведениях, собственно, и замкнулись все мои розыски о ней. Больше я, как ни пытался, ничего не мог разузнать.

Зато мои стихотворные мытарства наконец-то увенчались успехом. В новом стихотворении, которое я мысленно посвятил Дуне, с рифмой не было никаких проблем, строчки просто сами собой легли. Кроме того, мне удалось «показать» любовь. Я решил немедленно продемонстрировать новоиспечённый шедевр Валерию Константиновичу.

...Перед началом занятий я побежал в учительскую. Уже в коридоре до меня донёсся зычный голос Зубастой. Что она говорила, нельзя было разобрать, но её интонации напоминали с рёвом несущуюся с горных вершин и сметающую всё на своём пути снежную лавину. Изредка в «рык яростной стихии» вторгались восклицания математички. Да, кому-то очень не повезло... Наверное Валерия Константиновича там нет. На всякий случай я заглянул в кабинет через замочную скважину. Учитель сидел за своим столом. Зубастая потрясала перед его лицом сложенным вдвое тетрадным листочком.

— Пятиклассница пишет преподавателю! У меня в голове не укладывается, как такое могло произойти?

— Когда я случайно взяла этот учебник у неё со стола, я была просто в шоке! — деля большие глаза, ужасалась математичка.

— Я не понимаю, в чём вы пытаетесь меня обвинить? — заговорил Валерий Константинович, заглушив Зубастую и математичку. — Если вы думаете, что я всерьёз отношусь к фантазиям двенадцатилетнего ребёнка, то уверяю вас, вы ошибаетесь. Мне себя упрекнуть не в чём. Я честно исполнял свой долг. В моём поведении не было ничего такого, что могло бы спровоцировать эту девочку на подобный шаг.

— Вас никто ни в чём «таким» не обвиняет, Валерий Константинович! — перебила Зубастая.
— Проблема находится совсем в другой плоскости. Я неоднократно предупреждала вас, чтобы вы не отклонялись от школьной программы. Ну не доросли они ещё до всех этих ваших новомодных литературных штучек...

— Позвольте... — оскорблённо проговорил учитель.

Зубастая стукнула кулаком по столу.

— Не позволю! Есть школьная программа, есть, в конце концов, стандарт о среднем образовании, вот и будьте любезны придерживаться. А то мы сначала им всякую похабщину читать разрешаем, а потом за руку по женским консультациям в двенадцать лет водим, и удивляемся, откуда дети такие пошли? — она несколько раз ударила ладонью лежавшую на столе Валерия Константиновича книгу Довлатова. — А вот отсюда! Вот они — Содом и Гоморра!

Валерий Константинович выхватил из-под её руки книгу. Я с нетерпением ждал, что сейчас он поставит эту мымру на место. Он ведь такой умный, для него это плёвое дело. Но учитель был явно растерян.

— Ну, знаете ли... — он, прижав к груди Довлатова, заслонился им как щитом. Неужели он испугался?

— Я вас последний раз предупреждаю. Никакой самостоятельности! Темы внеклассного чтения согласовывать со мной лично. Вы меня поняли, Валерий Константинович? Лично!.. А со Скворцовой я сама поговорю.

— А вот это уже ни к чему, Алла Викторовна.

— Может, правда, не стоит... — неуверенно поддержала его математичка. — Неудобно как-то...

— А любовные письма преподавателю писать удобно? Тоже мне Татьяна Ларина выискалась...

— Я категорически против!

— Вы, Валерий Константинович, здесь, слава богу, ничего не решаете.

В этот момент раздался звонок, и я бросился прочь от учительской. Прибежав на урок черчения, я глазами поискал Дуню. Она неторопливо раскладывала на столе карандаши и циркуль. У меня мелькнула мысль, что, наверное, её надо предупредить и я хотел было уже написать записку, но в последний момент заколебался... Может лучше сначала посоветоваться с Валерием Константиновичем?

В это мгновение двери кабинета отворились, и вошла Зубастая в сопровождении математички. Она извинилась перед училкой черчения за то, что «вынуждена отнять немного времени от урока» и обвела взглядом класс; её улыбка не предвещала ничего хорошего. 5 «Б» замер в напряжённой тишине.

— Садитесь, — Зубастая сделала повелительный жест рукой, в которой был зажат свёрнутый вдвое тетрадный листочек; узнав его, я похолодел. В следующую минуту на наш класс обрушился торнадо. — Конец учебного года, 5 «Б», на носу контрольные, экзамены. Самое

время «подтянуть хвосты», взяться за учебники, но нет, нам не до этого... — на её лице появилось слащавое выражение, — у нас дела сердечные на уме...

— О чём вы говорите, Алла Викторовна? — искренне пожимая плечами, проговорила Маришка Петрова.

— Успокойся, Петрова, я не про тебя. Я знаю, что ты человек серьёзный, ответственный и ерундой заниматься не будешь. У нас другая героиня есть.

Одноклассники обменялись недоумёнными взглядами.

— Есть тут одна барышня, любительница изящной словесности, мастер эпистолярного жанра, так сказать... — многозначительно произнесла Зубастая.

Я бросил взгляд на Дуню. Опустив голову, она теребила колпачок от ручки.

— Я, конечно, не против дружбы мальчика и девочки, если она положительным образом влияет на успеваемость, но писать любовные записки взрослому мужчине...

5 «Б» ахнул. Я видел, как шея, щёки и уши Дуни Скворцовой начинают покрываться малиновой краской. Математичка тронула Зубастую за локоть и что-то прошептала ей на ухо. Та недовольно мотнула головой.

— Продолжайте, Алла Викторовна... — с интересом проговорила училка по черчению.

— Ну, это была, так сказать, преамбула, теперь по факту... — обрадовалась Зубастая, ободрённая поддержкой коллеги. — Одна из учениц 5 «Б» класса... Я не буду называть её фамилию, она сейчас прекрасно меня слышит и я надеюсь, что ей очень стыдно... Так вот, эта юная особа пишет любовные письма нашему молодому преподавателю по русскому языку и литературе Валерию Константиновичу Савицкому.

В классе захихикали.

— Не смешно, 5 «Б», не смешно. Как говорится, смех смехом, но могут быть и дети.

— А что, уже и дети есть? — театрально ужаснулся кто-то с последней парты.

Класс пришёл в неописуемый восторг.

Зубастая стукнула кулаком по столу.

— Прекратить кривляние!

— А кто писал эти письма? Скажите, кто их писал? — загудел класс.

— Не имеет значения, кто их писал. Важно другое, а именно то, что для некоторых романтических особ не существует никаких морально-этических правил. Объясняться в любви учителю. Да я бы со стыда сгорела! Даже в голову бы такое не пришло!.. И ещё одно немаловажное обстоятельство, на которое я вас порошу обратить внимание, 5 «Б». Прежде чем кому-то что-то писать, потрудитесь как следует изучить орфографию, а то ошибка на ошибке и ошибкой погоняет. Позорище!

— И всё-таки, Алла Викторовна, кто эта таинственная поклонница Валерия Константиновича? — спросила Кэтрин.

— Тебя это, Воронова, не касается.

— Да я знаю кто! — гаркнул двоечник Зуев, сидевший за одной партой с Дуней. — Это Дунька Скворцова, она на каждом уроке что-то пишет.

Я с ужасом посмотрел на Дуню. Под артобстрелом любопытных и издевательских глаз всего класса, она сжалась в комок и побелевшими пальцами вцепилась в парту.

Из-за стола поднялся Генка.

— Эти письма писал я.

У 5 «Б» во второй раз вырвался единый изумлённый возглас.

— Что ты врёшь! — взвизгнула Зубастая. — Письмо обнаружили в учебнике у Скворцовой.

— Это был мой учебник, — невозмутимо продолжал Генка.

— Зачем ты это сделал? — спросила училка по черчению.

— Ради прикола.

Зубастая побагровела.

— Вон из класса! И чтобы без родителей в школе не появлялся!

Генка неторопливо собрал свои вещи и вышел за дверь. Его провожали глаза Дуни Скворцовой; в них стояли слёзы.

...После занятий я не стал дожидаться Валерия Константиновича. Отправился в одиночестве слоняться по улицам.

Снег уже почти весь сошёл, лишь кое-где в низинах чернели грязноватые леденистые островки. Деревья понемногу начинали буреть. Я снял шапку и подставил голову ветру. Спустя несколько минут начали мёрзнуть уши, а потом болью схватилось горло. Я купил мороженное и стал есть его большими кусками. Горло внутри сдавило жаром, как обручем. В сущности, мне хотелось лишь одного — простудиться и умереть.

...Поздно вечером мне позвонил Генка.

— Представляешь, мы с Дуняшкой Скворцовой ходили в кино, — затараторил он в моё сонное ухо, убаюканное действием жаропонижающей таблетки. — Она сама подошла и предложила. И завтра пойдём.

— Поздравляю, — прохрипел я.

— Ты что, заболел что ли?

— Угу.

— В школу-то завтра придёшь?

— Нет. Мать врача вызывала, мне бюллетень дали.

— Везёт же тебе! Контрольную по физике писать не будешь.

— Угу.

Прима-балерина

«Доченька, пожалуйста, стой спокойно! — Лидочка почувствовала, как длинные мамины пальцы сжали её руку, и свежий высокий голос повелительно добавил: — Скоро начнётся. Не вздумай никуда убежать!»

«Ну вот!» — надув губки, подумала она и обиженно стала разглядывать выложенный сверкающими плиточками пол, на котором стояли её маленькие в голубеньких гольфиках и лаковых туфельках ножки. У Лидочкиной мамы были вишнёвые под цвет платья туфли с ремешками на шиколотках. Один мамин туфель стоял прямо, другой неизменно был чуть наклонён вовнутрь, и под светом люстр поблёскивал высокий точёный каблук. Когда к ним приблизились чёрные тупоносые ботинки, мамина туфелька, которая была слегка наклонена вовнутрь, чуть заметно дрогнула.

— Какие у нас шикарные банты! — проговорил хриплый игривый голос. — И сколько же нам лет, куколка?

Лидочка поняла, что вопрос адресован скорее маме, чем ей, и поэтому даже не посмотрела на обладателя чёрных тупоносых ботинок.

— Шесть лет, — ответила мама, и Лидочка с удивлением подумала о том, какой у неё может быть хороший, музыкально-нежный голосок.

— Уже совсем большая... — с притворным изумлением протянул слащаво-хриплый голос. — И такая серьёзная...

Лидочка почувствовала, как мамины пальцы ослабели, обмякли и выпустили её руку. Несколько минут она наблюдала, как притопывает носок кожного ботинка, а мамина туфелька чертит каблуком по полу зигзаги, а потом отошла от них и незамеченная ими затерялась среди нарядно-надушенной публики.

Лидочка, не держась за перила, резвыми, подпрыгивающими шажками поднялась по лестнице. Её встретили широколистные цветы в кадках, праздничные отблески люстр и приветливые улыбки актёров и актрис, взиравших на неё с расклеенных по стенам фотографий. Лидочка улыбнулась им и кивнула, как старым друзьям, и, осторожно ступая, на носочках пошла по коридору. Её переполняло ожидание чего-то светлого и удивительного, и она нарочно шла медленно и тихо, чтобы это что-то не спугнуть. На пути ей встретился человек, сматывающий какие-то провода. Он не заметил Лидочку. Она пошла дальше, полная предчувствий, что сейчас попадёт в сказку. Внезапно в конце коридора она увидела низкорослого толстяка, махавшего руками на человека в синей форме. «Сколько раз тебе говорил — софиты включай только тогда, когда заиграет флейта и не раньше!» Лидочка испуганно попятилась, ей показалось, что толстяк сейчас закричит и на неё. Она юркнула в первую попавшуюся комнату и, остановившись на пороге, обомлела от внезапного восторга. «Здесь живет сказка», — подумала она, с замиранием сердца оглядывая высокое зеркало, за угол которого зацепилась шляпа с белым пером и тонкий серебристый пояс; множество хрустальных, чудно пахнувших флакончиков; изящных кисточек; узорчатый, искрящийся блёстками веер, и перекинутое через стул воздушное, точно сплетённое из паутины, платье. На стене с яркой

стало достать двести рублей!

Он поделился своим секретом с Димкой Сайкиным по кличке Батон. Димка был рослым, с сильными крепкими кулаками. Его фамилия никак не вязалась с его обликом. Подумаешь, сайка — маленькая сдобная булочка, а вот батон — другое дело. Димка щеголял в новых кроссах и был обладателем самого дорогого мобильного. Все ребята во дворе завидовали ему. Димка был лучшим Алёшиным другом. «У тебя деньги есть? — поинтересовался он. — Хочешь дам?» «Не надо, — отказался Алёша. — Я у родителей попрошу».

Алёша, придя домой, сунулся было на кухню. Кухонный пол блестел осколками. Кто-то из родителей, а вернее всего мама, разбил пару тарелок. На столе выстроился отряд медицинских флакончиков и пузырьков: корвалол, валидол, валерьянка. Похоже, мама по полной загрузила себя в антракте, и сейчас начнётся второе действие пьесы под названием «Папа вернулся под утро». Так оно и вышло. Алёша натянул на уши ворот курточки, но всё рано услышал из комнаты родителей истерический мамин крик: «Можешь собирать вещи и катиться к своей шлюхе!» «Тебе нельзя так расстраиваться, у тебя больное сердце!» — это уже папа. «С ума сойти! Он меня пожалел!»

Алёша отщипывал кусочки булки и макал в сливовое варенье. Когда он вырастет и женится на Ирочке, в их доме никогда не будет ни ссор, ни скандалов. Они будут жить дружно и счастливо, и каждый день он будет дарить Ирочке букет великолепных белых роз. Без всякого повода. Просто так.

Звонкая пощёчина, короткая тишина и громкие рыдания мамы распугали Алёшины мечты: «Негодяй, какой же ты негодяй!» «Прости, пожалуйста, я не хотел. Ты меня вывела из себя!» В голосе отца Алёша одновременно уловил и умоляющие, и раздражённые ноты. Алёша бросился прочь из дома. На лестничной площадке он столкнулся с соседкой с верхнего этажа. Поставив мусорное ведро на ступеньку, старушка услаждала слух бранью Алёшиних родителей. Краснея от стыда, мальчик поспешно спрятался за дверями лифта.

Он слонялся по улицам, заглядывая в витрины магазинов, особенно тех, где продавались продукты. Сам того не заметив, Алёша дошёл до казино, к которому мама строго настрого запретила ему приближаться. Машины вереницей выстроились возле стеклянных дверей, откуда доносилась лёгкая музыка и звук катящихся бильярдных шаров. «Эй, пацан! — услышал Алёша. — Заработать хочешь?» Алёша оглянулся. Из окна джипа его подзывал какой-то толстый дядька. Мальчик опасливо покосился на ленивые волосатые пальцы, стряхивающие с сигареты пепел. «А что надо делать?» — несколько испуганно спросил он. «Машину помыть»... Через час Алёша уже с гордостью тащил домой купленных для Ирочки сомиков.

...Наступил день рожденья Ирочки. Алёша, словно какая-то девчонка, с утра крутился перед зеркалом, примеряя подарок отца — шикарные новые джинсы. В последнее время отец удивлял Алёшу неожиданными и дорогими подарками: велосипедом, спиннингом, кожаной курткой. Он приносил их в отсутствие мамы и с виноватым видом раскладывал перед мальчиком. «Тебе правда нравится?» — поминутно переспрашивал он. Алёше становилось жаль его: «Конечно, папа». Подарки отца приводили маму в ярость. Она говорила Алёше, что отец таким образом пытается откупиться от него. Однажды она сгребла их в кучу и выбросила с балкона. Алёша вместе со своим верным другом Батоном кинулись, сломя голову, на улицу их подбирать. Батон добросовестно обшарил каждый куст растущей под окном акации, вы-

искивая детали от Алёшиного конструктора, пока не нашёл все до одной.

...От Ирочки, открывшей дверь Алёше, нельзя было отвести глаз. В воздушном розовом платье, напоминающем взбитую пену, она была чудо как хороша! Алёша с ёкающим сердцем переступил порог её дома, в котором весело галдели детские голоса и вкусно пахло ванилью. Он протянул имениннице банку с сомиками. На щеках Ирочки появились две очаровательные ямочки. Она понесла рыбок к аквариуму, увидев который, Алёша остолбенел: в нём, поблёскивая серебристой чешуёй, гонялись друг за другом золотые рыбки. Скромные серые сомики затерялись на фоне их горделивого величия. «Это мне Дима подарил», — пояснила Ирочка. Батон с важным видом прохаживался вокруг аквариума. Когда Ирочкина мама торжественно внесла в комнату праздничный торт с шестью зажжёнными свечками, Алёша незаметно выскользнул из квартиры.

Когда двери лифта, доехавшего до первого этажа, распахнулись, он столкнулся нос к носу с запыхавшимся Батоном: «Ты... это... хорошо насчёт рыбок придумал, я бы сам не допёр... Твои ей тоже очень понравились, честное слово!» Алёша молчал. «Ты прости, что я твой подарок стырил... — сказал Батон и вдруг покраснел, как помидор. — Я её просто очень-очень люблю. Мы после школы поженимся, вот... А ты себе кого-нибудь другого найдёшь». Алёша заставил себя улыбнуться: «Не проблема!» Батон предложил вернуться к имениннице. Алёша отказался: «Иди один. Я вообще-то и не хотел надолго там оставаться. Думал только подарок подарить и домой». «Ну как хочешь», — пожал плечами Батон и, перепрыгивая через ступеньку, побежал по лестнице.

Дома Алёшу встретила уставшая хмурая мама: «Что так быстро?» Алёша сказал, что уже всё закончилось. «Ты хоть там поел? Я ничего не готовила». Он заверил её, что не только сыт, но даже объелся. Глядя мимо Алёши, мама сказала, что завтра им вдвоём нужно идти в суд. Её губы задрожали. «Только бы она не заплакала», — подумал мальчик. К его удивлению, мама не расплакалась, лишь тихо сказала: «Завтра ты скажешь судье, что не хочешь, чтобы родители разводились... Может быть ещё удастся выгадать немного времени, а там, за три месяца, кто знает...» Алёша сосредоточенно грыз ноготь. Мама, против обыкновения, не делала ему замечания. Наконец он, с усилием подбирая слова, сказал: «Ты пойми его, мама, может он её очень-очень любит». Мать изумлённо посмотрела на сына: «Что ты сказал? Это он тебя подучил?!» «Он не подучивал меня! Я сам понял!» «Ты слишком мал, чтобы понимать такие вещи! — то, чего так боялся Алёша, всё-таки произошло: мама разрыдалась. — Он бросил нас, а ты за него заступаешься, глупый мальчишка!» «Он не бросал нас! Это неправда! — с трудом удерживая слёзы, закричал Алёша. — Он просто не смог остаться». Мать, перестав плакать, не сводила с сына удивлённых глаз. «Ты действительно не голоден?» — после долгой паузы произнесла она. «Голоден. Пожаришь картошки?» Она вытерла слёзы и кивнула. Оба пошли на кухню.

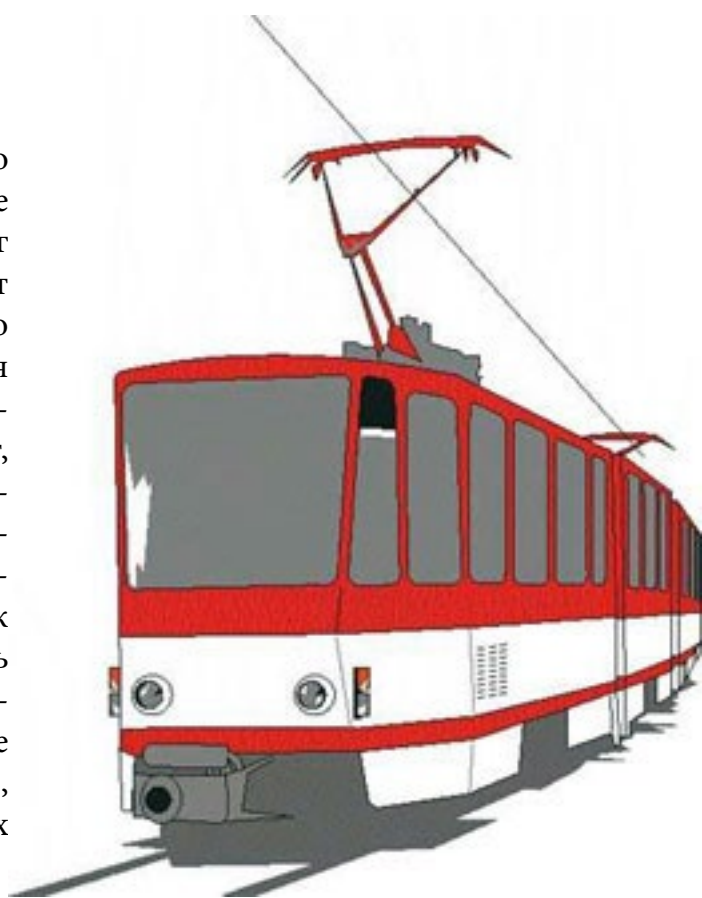
[Авторская страница Натальи Елизаровой на сайте Литературной газеты Путник](#)

Андрей Козырев

Что рассказал старый трамвай

Тру-ту-ту! Я еду по рельсам, посторонитесь! Я давно уже тут езжу, почти двадцать лет, и ни разу мне не хотелось сойти с рельсов... Да, я выполнял свой долг исправно и честно, тут уж ничего не скажешь. Но вот почему-то недавно мне сообщили, что меня скоро уволят с моей работы... Видно, слишком громко я грохочу, когда еду по своей дороге, да трясусь слишком сильно. Но ведь в этом я не виноват, – возраст, возраст, все дело только в нем... И потом, на мое место претендует новый трамвай, – яркий, разноцветный, с большим количеством удобных сидений, с чистыми стеклами. Но сможет ли он возить людей так же долго, как и я, – вот вопрос! Эта молодежь ведь такая, сами знаете, – чуть что, сразу отказывается работать и просится в починку. А меня вот почти и не чинили, я как два десятка лет назад встал на рельсы, так и бегаю, – все по кругу, все по кругу, мимо одних и тех же мест...

Знаете, эти пейзажи с каждым кругом становятся мне все милее. Я знаю наизусть каждую трещинку на асфальте, каждый завиток чугунной ограды, каждую веточку на деревьях... И как приятно ездить и наблюдать, как меняется мир вокруг! Эта яблоня, например, была пересажена в сквер у дороги ранней весной и с тех пор все хорошеет. Как хороша она была в мае, когда на каждой ветке белели чистые и опрятные цветочки!... Я искренне радовался, проезжая мимо, и здоровался с ней каждое утро, только она не отвечала мне. Что ж делать, – молодость и красота всегда высокомерны, это им прощительно! Потом была буря, ветер сорвал с яблони все ее цветы, а на следующий день еще одна беда приключилась, – мальчишки обломали ей ветки. Хотелось им, ребятне, соорудить из дерева шалаш, вот они и искалечили красавицу! Как она тогда переживала, как страдала, – я помню это. Сначала ей не хотелось ни с кем разговаривать, она вся закуталась в зеленую листву и не хотела ни на кого взгляд свой бросить. Но на следующий день она впервые со мной поздоровалась. Слово

на, жизнь, полная побед и поражений, любви и боли, радостей и печалей. И теперь, спустя семь десятилетий, орден помнил всех людей, державших его в руках, помнил, как касались его пальцы, то грязные, то чистые, то грубые, то нежные, то быстрые, то медлительные, и у всех этих рук был свой характер, своя душа, порой отличающиеся от характера и души их владельца.

Сначала орден вспоминал, как ухоженные пальцы старого генерала достали его из футляра, который был для него чем-то вроде чрева матери, и прикрепили на грудь молодому офицеру. Это было не совсем приятно, но орден знал, что человек, носящий его на груди, – герой, что их судьбы отныне едины и что он должен постоянно напоминать людям о подвиге своего обладателя. Ордену предстояло постоянно быть на виду, поражать людей и радовать молодого воина, заслужившего такую высокую награду.

Но почему-то хозяин не любил красоваться перед сослуживцами и демонстрировать им плоды своей доблести. Большую часть времени орден спал в своем футляре, и лишь по вечерам офицер доставал его и клал перед собой на стол. Рядом стояли бутылка водки и фото девушки в военной форме, погибшей в день награждения офицера. «Тебе бы эту награду, – шептали губы молодого человека. – Ты меня когда-то с поля боя вынесла... А теперь ты мертва... Как мне жить дальше?»

Орден понимал, что случилось что-то страшное, но ему казался странным стыд офицера перед умершими за то, что он – живой. Это чувство как-то не укладывалось в молодую душу ордена, он хотел, чтобы его носили как можно чаще, чтобы солнце сияло на его золотой поверхности. И какова же была его радость, когда офицер однажды наконец-то прикрепил его к своей гимнастерке и пошел с ним на парад! Орден ждал радости, счастья, блеска, – но не весел был парад, зимние облака слоились на небе над столицей, к которой подходили вражеские войска. Солдаты и офицеры проходили строем по площади, чтобы прямо с парада отправиться в бой. Некоторые снимали ордена, а некоторые шли сражаться, не успев отцепить награды с одежды. И орден понял, что ему и его хозяину предстоит страшное испытание.

Бой был действительно страшен, и молодой офицер с орденом на груди постоянно бросался в самое пекло, словно ища себе смерти. И вот вражеская пуля, просвистев в воздухе, попала ему в самое сердце, и рядом с орденом появилось кровавое пятно. Несколько капель крови пролилось и на орден, запачкав красную звезду на нем. Какие-то новые, непонятные чувства испытал он, – как хотелось куску металла, обретавшему живую душу, чтобы именно в него попала эта пуля, чтобы он был пробит или искорежен, лишь бы остался в живых этот славный человек! Но, увы, хозяин грузно опустился на землю, подстреленный снайпером, и остался лежать на поле боя, заметаемый снегом.

Орден уже подумал было, что ему предстоит быть навеки похороненным здесь, но вскоре друзья убитого офицера нашли тело и предали земле, но награду решили отправить матери павшего воина, жившей в тылу, далеко от линии фронта. Так орден совершил свое первое путешествие.

Вскоре старческие дряхлые руки с распухшими жилками достали его из упаковки. На орден упало несколько скупых слезинок. Но не мог он понять, почему в этих слезах таятся не только боль, грусть, но и гордость за сына-героя? Орден пытался на беззвучном языке вещей задать этот вопрос слезинкам, но они быстро стекли с него, и ответ ему пришлось искать

дящихся за спиной... Мальчику так хотелось оглянуться, чтобы увидеть их, но он не мог этого сделать: страх сковывал его так, что нельзя было пошевелиться. Так ночной театр теней постепенно овладевал его душою, и младенец тихо лепетал, но родители не понимали, что означает его лепет. Они и не догадывались, что малыш может мыслить и понимать не хуже их, но просто язык его – иной, не такой, как у взрослых...

– Агу-агу-агу... шептал мальчик, и это значило: «Поговорите со мной, мне в темноте страшно!».

Ему отвечала только тишина...

Но неожиданно малыш услышал тихие звуки за окном – словно монетки звезд падали с неба, звеня о подоконник. Это был дождь – юный, только что освободившийся из тучи. Малыш понял, что дождик хочет развлечь его, и вступил с ним в разговор.

– Ути-пути-пу... – лепетал мальчик.

– Кап-кап-кап... – звучали капли дождя, падавшие на подоконник небольшого дачного домика.

На самом деле беседа между двумя младенцами была другой, сложной и глубокой.

«Сколько тебе лет?» – спрашивал человеческий ребенок.

«Мне всего лишь несколько минут», – отвечал сын дождевой тучи.

«А долго ли ты будешь жить?» – задал вопрос малыш.

«Не знаю, – ответил дождь. – Мои капельки падают с небес и сразу умирают, разбившись о подоконник или впитавшись в землю. Но в земле они питают корни деревьев, становятся их соками, поднимаются по стволу и снова испаряются, поднимаясь к небу. И там опять возникает туча, из которой я рождаюсь для новой жизни, для нового падения... Такова моя жизнь – короткая и вечная».

«А я буду жить так же?» – поинтересовался мальчик.

«Нет... Ты живешь только один раз, но зато жизнь твоя – долгая и непрерывная, она продлится больше семи десятилетий, а потом ты так же вернешься в землю, как и мои капли, и так же превратишься в травинки и цветы...»

«Это же замечательно! Я смогу много сделать за свою жизнь! А кем я стану? Какими бывают люди, которых ты видел из тучи?»

«Люди бывают разные, – задумался дождь, – мне их трудно понять. Некоторые, вырастая, забывают, что были детьми, и больше не хотят разговаривать ни со мной, ни с цветами, ни с облаками. Они суетятся, бегают, ищут чего-то, чего сами не знают, а потом превращают-

ся в землю, на которой ничего не растет. А есть и другие люди, люди дождя, которые всю жизнь сохраняют способность общаться с землей и небом. Они лепечут, как ты, смеются, как солнце, плачут, как облако, но их никто не понимает. Даже родные братья сторонятся их. Обычно такие люди не проживают долго, но для них не важно, сколько лет живет человек, а важно, в какую сторону он живет, – в сторону праха или в сторону дождя. Только людей дождя никто не любит...»

«Это действительно трудно понять... – пролепетал мальчик. – Знаешь, дождь, а я не хотел бы стать ни первым, ни вторым... Хорошо бы пройти жизнь посредине, так, чтобы не огорчить ни людей, ни тебя, ни землю. А это вообще можно?»

«Не знаю, – задумался дождик. – Понимаешь, тебе скоро надо будет совершить выбор: будешь ли ты говорить на языке людей – или на моем языке. И когда ты его сделаешь, ты уже не сможешь, как сейчас, понимать и тех, и других... Все, что ты знаешь сейчас, выветрится из твоей памяти навсегда – или, по крайней мере, очень надолго, до старости... Но постой, – вдруг улыбнулся дождь, – когда я плыл над землей в облаке, я видел человека, который разговаривал с деревом на человеческом языке – и оно его понимало. Знаешь, что он говорил? «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»»

«И кто это был?» – взволнованно спросил малыш.

«Это был поэт, – объяснил дождь. – Есть такие люди, которые хотя обладают тем, что они называют разумом, но чувствуют нас, нашу правду, и доносят ее до остальных. Им часто приходится нелегко, но вся природа помогает им, как может, и бывает, что именно они проживают настоящую, а не снящуюся кому-то жизнь».

«Вот это да! В этом случае я хочу быть одним из них!» – обрадовался младенец.

«Вот ты и сделал свой выбор, – грустно отстучал дождь по подоконнику. – Теперь мы с тобой должны расстаться – до того дня, когда ты будешь писать обо мне стихи... А пока – прощай, дружок!»

Капли вдруг перестали падать из тучи, и сквозь занавески проник первый луч света. Папа и мама малыша проснулись и заметили, что их ребенок больше не плачет. Они подошли к постельке.

– А вот мы уже и не плачем, – пролепетали они. – А вот мы уже улыбаемся! Наверно, нам приснилось что-то очень доброе! Правда, малыш? Скажи нам что-нибудь!

– Я, – с неохотой разжимая губы, произнес мальчик свое первое слово. – Я.

[Авторская страница Андрея Козырева на сайте Литературной газеты Путник](#)

Вита Шафронская (Пшеничная)

Легкое касание

...Наверное, во мне это навсегда – угнетающее чувство вины перед теми, в чьей медицинской карте стоят три страшные буквы – ДЦП. Страшные, потому что они неотменимы, они – на всю жизнь. Жизнь, которая в большинстве случаев проходит на костылях или в инвалидной коляске. Тех, кто научил-

ся самостоятельно ходить и заботиться о себе, не так уж и много. Тех, кто не имеет инвалидности и работает наравне с обычными людьми, и даже назло всем прогнозам создал свои семьи, растит здоровых детей – ещё меньше. В число последних вхожу я. Но часть меня, моей души, воспоминаний детства перечеркнуть или забыть невозможно. И именно мысль о том, что я – выхоженная, а те, сотни, тысячи детей – нет, - рождает во мне наряду с чувством вины, чувство долга. Долга, который надо успеть отдать хотя бы одному больному ребёнку. Как? Если б знать, если б знать... В голове я перебрала массу вариантов вплоть до безумной мысли усыновить больного ребёнка и попытаться максимально помочь ему встать на ноги в прямом смысле. Но это была действительно безумная мысль – матерям-одиночкам со смешной зарплатой в органах опеки делать нечего.

Тогда, возможно, через знакомство, дружбу, общение? Но здесь мне, только мне требовалось сделать шаг навстречу. А для первого шага часто требуется мужество. Может быть, его-то мне и не хватало все минувшие годы... Но я честно пробовала и, пробуя, неизменно натыкалась на собственное малодушие, страх, которые гнали меня прочь. Гнали, скрывая мои попытки моим же знанием, что больные дети очень доверчивы и быстро привязываются к тем, кто обратил на них внимание. Смогу ли я долго общаться с ними, не подведу ли, не надоест ли мне, не брошу ли их обратно в горькое, пожизненное одиночество?.. Ведь им так необходимы и поддержка, и внимание, и любовь окружающих людей. Да, да, именно – любовь. Без которой между людьми невозможно чуткое, бережное общение. Но как же часто происходит, что именно на неё не находится в нашем «цивилизованном обществе» ни сил, ни желания... Зато подчёркнутого пренебрежения, насмешек, откровенной брезгливости – сполна...

Это был обычный день, пятница. После работы я, как всегда, торопилась вывести собаку, чтобы потом оперативно приготовить ужин и...залечь на диван, почитать книгу или что-нибудь посмотреть по телевизору в ожидании прихода дочери.

С моей стареющей, неуклюжей Баськой (одна из невинных производных кличек от претенциозной Бэсс) породы бассет-хаунд мы пошли на «большой круг», чтобы она вволю надышалась свежим воздухом после десятичасового домашнего заточения. Дочь поленилась отвезти питомицу к бабушке, а мне было жаль Басю, лишившуюся в грядущие выходные законного и без того редкого в этом году выезда на дачу.

Проходя мимо школьного ограждения, местами заботливо продырявленного местной шпальной или учениками, я увидела девочку лет десяти, играющую в мяч с пожилым мужчиной. Я замедлила шаг, подчиняясь невесть откуда появившейся уверенной мысли, что «мне надо подойти и познакомиться с этим ребёнком». То, что это была не моя, а продиктованная кем-то, мысль, смутило меня окончательно, и я остановилась, не зная, как поступить. «Да что ж ты такая робкая-то! – заворчал кто-то внутри. – Сколько можно! В тот раз, помнишь, восемь лет назад, по осени забоялась подойти к мальчику больному? А ещё раньше, девочку с отцом в сквере встретила – и опять мимо прошла! Трусиха! Терпеть не могу таких!.. Просто каторга мне с тобой!..» – не на шутку разбушевался Голос. «Это, с какими – такими?» - хотела возмутиться я в ответ и даже почти уж подбоченилась, но тут нетерпеливая Ба резко дёрнула за поводок, прервав мой странный диалог с...собой? Или?.. Не знаю. Но я едва не потеряла равновесие. Может быть, это и придало мне решимости и, благополучно миновав дыру, мы приблизились к играющей паре:

- Здравствуйте, - обратилась я к мужчине.

Тот кивнул в ответ, но как-то без желания, даже толком не посмотрев на меня, и тут же отвернулся:

- Ну, смотри же внимательно, куда бьёшь! – Крикнул он девочке, и та неуклюже посеменила за мячом. Я подошла ближе.

- А можно мне с тобой поиграть? – намеренно громко, чтобы быть услышанной, спросила я у девочки. И в ожидании ответа, тихо спросила у мужчины:

- ДЦП?

- Да.

- Друзей нет...

- Что Вы, нет, конечно! Откуда?..

- А учится в...

- В Корятово ездим, где ж ещё.

- А звать как Вашу девочку?

- Настя.

- Анастасия, значит. Красивое имя, - сказала я, внимательно наблюдая за движениями девочки. Наблюдая и вспоминая себя.

Тем временем Настя, прицелившись, ударила ногой по мячу в нашу сторону. Мужчина хотел шагнуть в сторону, отбить его, но Настя неожиданно громко замычала, запротестовала, руками показывая на меня. «Ну же! Видишь, она кинула мяч тебе, значит, услышала твой вопрос и сделала выбор, она уже – решилась...» - пронеслось в голове, и я, успев поймать мяч, сделала ответный удар, бросив поводок на землю со словами: «Баська, гуляй сама!». Мяч, брошенный мной, закатился в густую траву и дедушка (как узнала я вскоре) крикнув: «Настя, осторожно, трава!», подбежал и взял его сам.

- Боится травы... - Возвратившись, пояснил он.

«Боится травы?! Почему, почему...» - забился, запульсировал во мне вопрос.

«Глупая, себя вспомни в глубоком детстве: ноги плохо ходят, быстро устают, начинают заплетаться, а трава нынче, вон, какая вымахала высокая, можно запросто упасть, разбиться...» - менторским тоном разъяснил Голос.

- Понятно. – Миротливо ответила я в пустоту перед собой, дожидаясь мяча от Насти. Дед её отошёл в сторону и стоял, наблюдая за внучкой, несколько раз прерывая нас тревожным вопросом: «Настёна, может, хватит?...».

«Гоняли» мяч мы недолго, скоро стало ясно, что Настя устала. Она всё чаще спотыкалась, останавливалась, чтобы отдышаться. Майка на ней взмокла, но девочка упорно не хотела прекращать игру. Заметив, что дедушка недоволен её непослушанием я, подхватив мяч, подошла к Насте:

- Настенька, давай закончим, ты устала... - На что девочка отрицательно снова замотала головой, отчаянно зажестиковала, попыталась пойти почти бегом от нас и тут же упала. Мы – я и дедушка Насти поспешили поднять её.

- Ну, и что ты наделала? Смотри, ладошку разбила, - сказал дед, доставая носовой платок. – Говорят же тебе: хватит. Что за упрямство, Настя?..

Девочка молчала, исподлобья поглядывая на нас.

- Ничего, заживёт. Я тоже много раз и падала, и разбивалась в кровь. Всё зажило. – Ободряюще произнесла я и добавила:

– Понимаешь, ты сейчас упала, потому что твоё тело... Оно устало, а ты пока этого не замечаешь, но если мы продолжим, тебе может стать хуже...

Я говорила намеренно медленно, пытаюсь подобрать слова, которые бы девочка приняла и согласилась со мной. Тем временем дед снял с куста цветную кофточку:

- Давай-ка пока оденемся, а то так и простыть можно, а завтра на дачу ехать, а там ещё с остановки долго идти надо.

Настя протянула ему руку, затем вторую...

Уже у «выхода» на аллею я предложила:

- А давайте я буду приходить сюда часам к восьми, мне нужно собаку выгуливать надо, и будем играть?.. Настя, ты как?

Девочка согласно кивнула, а дедушка произнёс строгим тоном, охлаждая мой искренний порыв:

- Мы не каждый день так гуляем. А завтра уезжаем на дачу, на выходные. Потом... не знаю...

- Он пожал плечами, и хоть особого желания в его интонации я не заметила, но не показала виду, ответив:

- Да мы тоже не каждый день сможем, правда, Баська? То ужин не готов, то пока по магазинам после работы находишься, но... Настя (я посмотрела на девочку), часов в восемь я всё равно буду выходить с Баськой, и если что, приходи. Хорошо? Мы будем рады. – Настя заулыбалась. И, встретившись на какие-то секунды с её глазами, я внезапно поняла, что эти пятнадцать или двадцать минут нашего нечаянного общения стали самыми бесценными за последние месяцы.

Только дома, уже лёжа в постели, я вспомнила, что даже не представилась по имени, не спросила, как звать Настинного деда. «Ну, ничего, в следующий раз обязательно познакомимся, как следует». В том, что следующий раз наступит, я почему-то нисколько не сомневалась.

«Э-эй, слышишь, соня, а ты у меня молодец: поняла, что те минуты стали для тебя самыми бесценными за последние месяцы. Это мой тебе подарок, которого ты ждала долгие годы. И – не последний... Эй, счастливица!..» - донеслось откуда-то, когда я была уже где-то на грани сна и реальности. Единственное, что я успела запомнить (или увидеть?), как кто-то, находящийся рядом, кротко улыбнулся, наклонился надо мной - я почувствовала лёгкое касание у виска - и тут же исчез.

«Спасибо...» - выпорхнуло ему вдогонку из моей души.

И следующий раз наступил. А потом ещё и ещё... Я всё чаще и чаще намеренно выходила на балкон в ожидании появления Насти. Незаметно это вошло в привычку. И когда мне удалось увидеть её я, бросив все дела, мчалась на школьный двор, прихватив собаку.

Где-то в августе я увидела в глазах Настинного деда радость, самую настоящую радость: мне были рады. Теперь я знаю, что это такое и как это здорово. А однажды Настя кинулась ко мне, попыталась обнять. Залепетала что-то восторженное на своём странном языке. Я ничего не поняла, кроме главного – она меня помнит, она меня ждёт...

Последний раз мы виделись второго сентября прошлого года. Как водится, немного поиграли. Когда стали прощаться, Настя снова начала мне о чём-то рассказывать. Я растерянно смотрела на неё, не зная, как реагировать. Выручил дед, Иван Николаевич.

- Это она Вам рассказывает, что вчера была в школе, что у неё теперь новый ранец и новые

учебники.

- Настя, прости меня... Ох, я глупая, ну, глупая!.. Поздравляю тебя, девонька! Поздравляю! – При этом я крепко обняла её и потрепала за мокрую чёлку. Настя прижалась ко мне и какие-то доли секунд мы простояли молча, словно «вслушиваясь» друг в друга...

Я и сейчас вслушиваюсь в нас двоих, тогдашних, мучая себя вопросами о судьбе Насти. На дворе второе января 2011 года, а я так и продолжаю, днём выходя на балкон по домашним делам, близоруко щуриться на пяточок школьного двора... И никого там не вижу. Я уже начинаю думать, что это из-за того, что холодно и Настя может простыть. Или – как я, успокаивая себя, предполагала по осени – из-за того, что частят дожди и Настя может простыть. Да и сумерки, эти ранние зимние сумерки, будь они неладны!

Скорей бы весна! Скорей бы!..

2 января 2011 года.

P.S. Настю я увидела только по весне, в конце марта. В ожидании начала выступления дочери я решила посмотреть выставку в фойе. Выставку, посвящённую детям-инвалидам. С одной из фотографий на меня смотрела Настя... Это было как ожог, навсегда впечатавший в мою память её открытую и такую родную улыбку...

(март-апрель 2011)

[Авторская страница Виты Шафронской на сайте Литературной газеты Путник](#)

Олег Глушкин

Зеленый коридор

Сознание возвращается. Ты можешь мыслить. Господи, какое счастье! Ты ощущаешь, что не один здесь. Так плотно все сжаты. Пока обрывочные беззвучные слова. Ты ведь не верил! Тот свет – выдумки, утешение для слабых духом. Вечная жизнь – красивая легенда о бессмертии души, ведь никто не подтвердил, оттуда не возвращались. Теперь моли, чтобы простили твои сомнения. Тела не ощущаешь. Все боли исчезли. Но ты мыслишь, значит, существуешь, и вокруг тебя невидимые, твои собратья, ты чувствуешь сжатие, словно все время преследуют не просто тебя, а общую массу. И в этом переполненном бестелесном пространстве совершенно не ощущается холода. Далекое теплое сияние впереди. Свет в конце туннеля. Все рвутся вперед и не только, чтобы приблизиться к этому сиянию, но и освободиться от сильного сжатия, все хотят определенности, и тебе передается общее нетерпение. И вдруг понимаешь, из обрывков мыслей, из токов исходящих от тех, кто плотно прижат к тебе – нужно попасть в некий поток, чтобы предстать перед Божьим судом. Но это не просто – есть очередность. Никто ничего толком не знает. Общая растерянность, порожденная незнанием. Теперь ты прислушиваешься, ловишь токи, исходящие из тысяч душ, ты тоже готов поддаться общей панике. Когда же пропустят? Сколько можно стоять в тесноте, сдерживать все возрастающий напор вновь прибывающих? Вокруг много достойных, почему они должны ждать вместе со всеми. Ты слышишь возмущение ветеранов, участников локальных войн, инвалидов: «Мало терпели там внизу, мало ли пролили крови!» Кровь на руках – плохой пропуск. Хотят многие отодвинуться, дать им несчастным пройти, но настолько плотно все прижаты друг к другу, что сделать это невозможно. Ты ведь и сам ветеран. У каждого есть свои права на льготы. Но какие льготы могут быть здесь. Ведь здесь все равны. Здесь много больше, чем тех, что остались там, внизу. Понимаешь, что очереди придется ждать целую вечность. Из передних рядов дошла неутешительная весть – еще не все жертвы. Второй мировой прошли. Заканчивают освенцимский миллион. Но почему так долго. Их – то зачем проверять – они все жертвы, там полно детей. Дети ведь безгрешны. Твои сомнения кто-то услышал, хотя ты и не произносил их вслух. Конечно, ведь здесь совсем другие понятия о существовании, другие проявления этого существования. Другие проявления голоса. Забудь о том, что мир материален. Все соткано из лучей. Всплески квантов, неизвестные токи и излучения. И вот уже тебе объясняют беззвучно: проверять надо всех. Жертвы виновны в непотворении злу. Как же так, недоумеваешь ты, ведь в Божьем завете сказано

- подставь другую щеку. И потом, кто дал права даже ему, Богу, судить жертвы, ведь это он их покинул, его надо самого судить. Эта крамольная мысль повторяется, бьется в тебе. Со всех сторон зашикали, готовы растерзать. Придержи язык за зубами. Поплатишься за дерзость. Себя погубишь и нас за собой потянешь. Вас - то за что? Отвечают - за недоносительство. Чем поплачусь, думаешь ты, если нет тела, нет и боли. Прижатый к тебе объясняет: душу прихлопнут. Один разряд и нет ее. Она ведь так нежна и уязвима - твоя бессмертная душа. Вот ведь как оказывается - и здесь нет бессмертия. И душу можно стереть. В этом бесконечном божьем компьютере есть своя клавиша «дилет» А может быть и правильно. Страшно даже подумать о вечном существовании. И все же - терять душу не стоит. Ведь и до суда можешь не добраться, донесут о твоих мыслях - и конец. И надо ли доносить, Господь их читает даже раньше, чем ты успел до конца все продумать. Сколько раз слышал об умерших: отдал Богу душу. Думал, так, ерунда - стершееся выражение. О слиянии с

Богом спорили души, теснящиеся слева. Ты осознал - это не домысел ждущих очереди. Мы все - Божьи дети. Бог состоит из нас. Но души надо профильтровать, прежде чем вобрать в себя. Вберет, а что дальше? Станешь коллективным разумом. Будешь управлять Вселенной! А если при этом потеряешь память - это тоже конец конкретного существования. Надо не терять надежды. Мало ли домыслов слышал и на земле, и здесь. Об этом даже подумать страшно. Надо набраться терпения. Здесь другой счет времени. Впереди вечность. Страшит ли это сейчас. Почему все так спешат? Почему стараются протиснуться вперед, поближе к тому далекому сиянию, пока едва заметному, но проникающему в тебя, охватывающую теплом. Странно, как же ты все это чувствуешь - если лишен тела? Твои сомнения услышала соседняя душа. Выписывает вокруг, распространяет какие-то заумные формулы. Очевидно, была в теле ученого. Возмущается: как вы не можете понять - привыкли к существованию материи в телесном осязаемом виде, а лучи, кванты, свет, звук - где грань перехода материи в излучение, как отделить душу от энергетического контура тела. Объясняет все запутанно. Говорит, я вас помню, вы были нерадивым студентом. Это же профессор химии из твоего института, как давно это было. Неужели этот профессор умер в одно и то же время, вместе с тобой, значит, дожил почти до ста лет. Нет, объясняет, просто оттерли более крепкие и молодые, можно попытаться пройти зеленым коридором. Там жесткая проверка специальными тензометрами. Он не решился, но если безгрешен - можно попробовать. Про зеленый коридор говорят и те, кто напирает сзади, давление все сильнее. Это значит на земле опять какая-нибудь война или катастрофа, кто может справиться с растущим потоком. Провести

вечность в этом пространстве, где душ, как сельдей в бочке, заражаешься исходящим от них недовольством. Надоело стоять и ждать очереди – почему же боитесь зеленого коридора. Только об этом подумал, как со всех сторон зашикали – попробуй сам. Наказание за обман – уничтожение, все – тебя больше не будет, никому уже не будет нужна твоя душа. Термоядерный разряд и лишенная защитной оболочки душа растворится без следа.

Но как понять – грешен ты или безгрешен. Конечно, безгрешных нет, но есть же грехи, которые можно простить. Как во всем этом разобраться. И опять подсказки со всех сторон. Главное вспомнить – нарушал ли десять заповедей. Ты и сами заповеди помнишь смутно. Со всех сторон подсказывают – вспоминают. Видимо, не один ты решил прорваться зеленым коридором. Вспоминай, думай вместе со всеми смельчаками, что решили рискнуть. Самая первая – утверждение Бога, его единственного, не сотворяя себе других кумиров, не произнося имя Господа всуе. Все это в целом – вера в Бога. Беззаветная, без тени сомнения – вера. Была ли она у тебя, родившегося в безбожной стране, разрушавшей церкви и казнившей праведников. Тебе с малых лет внушали теории Дарвина, все было объяснимо и все развивалось как по нотам. Лишь много позже в институте ты стал задумываться и понимать, что все не так просто. Ты шел к вере сам. Может быть, за это простятся и все твои сомнения, и все приступы неверия. Конечно, Бог есть решал ты. Открытия ученых подтверждали это. Человек не произошел от обезьяны. В нем Божий замысел. В нем заложена определенная схема. Геном выстраивает все его органы. И огромный мозг. Мозг способный запомнить наизусть целую библиотеку книг, мозг, который он, человек, использует на какие-то доли процента, этот разум, эта душа, этот ступок энергии – все это от Бога. Но почему Бог столь жесток, почему продолжаются войны и истребления целых народов? Это невозможно объяснить. Бог сам виновен в твоих сомнениях. Бог и те, кто называет себя его слугами и проповедниками. Современные церковники. Отъевшиеся, лоснящиеся, накапливающие богатства, сеющие национальную рознь, нетерпимые к иным религиям. Как он может терпеть все это? Он, всемогущий. Или же его все-таки нет. Вот подойдет очередь – и перед тобой пустота. И некому высказать свои обвинения. Как же ты мог допустить Освенцим?

И с такими мыслями ты хочешь прорваться через зеленый коридор - смеется профессор. Возвращаю тебе зачетку и лишаю тебя стипендии. Это уже было, что он выдумывает. Это там, на земле, пришлось без стипендии прожить семестр. Разгружать вагоны и чистить проржавевшие цистерны, чтобы голод заглушить батоном и бутылкой кефира. Здесь же душа, у нее нет голода. Ведь мог же Бог создать человека из лучей света, отдать человеку частицу своего тепла и энергии, а не собирать и отбирать это тепло. Зачем ему понадобилось лепить из праха земного столь уязвимую оболочку – тело. Так ли это разумно? О чем ты говоришь, возмущаются вокруг. Ведь твои мысли им доступны, как и соответственно их мысли. Нет, с твоей верой не проскочить, уверяют они. Сиди, как говорится ровно. Видишь, мы все и не пытаемся, а среди нас есть дети, они безгрешны. Так ли уж безгрешны – это профессорская душа – знал я многих детей, детская жестокость иногда поражает. Я знаю детей, которые хотели прорваться. Их родители до сих пор в трансе...

И все же можно попытаться. Ты ведь не отнимал у людей Бога, ты рассказывал о Боге в восторженных тонах. Здесь все запутанно, не тебе судить, судить будут тебя. Ведь очень просты и естественны заповеди, выбитые на скрижалях, данные Богом на горе Синайской. Почитай отца и мать, не убий, не прелюбодействуй, не укради, не произноси ложного свидетельства, не возжелай дома и жены ближнего, ничего не возжелай из того, что не принад-

лежит тебе. Все очень просто. Почитал ли ты отца и мать? Им ты обязан своим появлением на свет. Просил ли ты об этом? Задумывались ли они. Возможно, твое рождение плод целого ряда случайностей. Отвечал ли ты им той любовью, которую они окутывали тебя. Конечно, нет. Ты был занят только собой. Отец постоянно обвинял тебя в смерти матери. Первый инфаркт случился с ней именно в тот год, когда тебя исключили из института и отправили в армию. Наверное, в чем-то он был прав. Мать слишком большие надежды возлагала на тебя. Она считала тебя чуть ли не гением, ведь ты сдал все вступительные экзамены на отлично, ты был зачислен в самый престижный, по ее убеждению, вуз страны. Ты был оправданием всей ее тяжелой жизни. Не она ли, эта жизнь в извечном страхе, в поисках хлеба, не она ли, скомканная и изувеченная войной, стала ее убийцей. Ты был только последним ударом в цепи поражений.. Мать не вынесла. Она не дождалась исполнения своих мечтаний, она не увидела твоего пусть мнимого, но все же успеха...

Чтобы увидеть свет в окошке в твоей стране надо жить долго. Отец вроде бы и горевал, но через год после похорон женился на своей ученице, смазливой и не в меру кокетливой. Ты потерял свой родной дом. После армии только один раз побывал там и очень жалел о своем приезде. Ибо он повлек самый великий грех твоей жизни. Твоя так называемая мачеха с первых дней приезда положила глаз на тебя. Да и честно признаться, она сразу вошла в твои ночные фантазии, от нее исходил сексуальный заряд такой силы, что ты не смог противиться, а возможно и не хотел. И однажды, когда отец ушел на работу, а ты еще валялся в постели, она вошла в комнату, присела на кровать и распахнула халат, под которым другой одежды не было. Ты слился с ней, с ее телом, с ее дыханием. Сладкий рай открылся тебе. Нет, и до этого у тебя были женщины. Но никакого сравнения. Ты ведь только вернулся из армии, где не просто отслужил срочную, а ходил на грани жизни и смерти в горах. Там женщин можно было купить, а можно было и просто заставить делать то, что ты хочешь. Всякая даже самая маленькая война – это насилие, это потеря человеческого достоинства. Там в грязных разоренных домах секс был просто приправой к кровавой пище войны. Здесь же было медленное, неспешное вхождение в страну удовольствий. Из этой страны ты бежал - нашел в себе силы уехать на следующий день. Отец, наверное, догадался о причине внезапного отъезда. Ты не успел спросить его, ты не успел покаяться. Теперь, возможно, ваши души встретятся, но признайся, ты ведь не очень жаждешь этой встречи. Ведь ты после его кончины ни разу не приезжал в свой город, боялся встречи с его вдовой, состарившейся прелестницей. И получается, что из-за этого ни разу не побывал на его могиле, не знаешь даже – какой памятник она ему поставила. Вот это, пожалуй, и будет твой главный грех. Непочтение к тем, кто произвел тебя на свет.

Неужели из-за одного случайного соития зеленый коридор захлопнется! Конечно, нет, уверяешь себя ты. О, если бы это было твоим единственным грехом! Ведь твоя душа покалечена годом службы в горах. Пытаешься оправдаться - никого не убивал. Клянешься, что если бы даже дали автомат и сказали: вот расстреляй семью бандитов, а если не сможешь, то мы прикончим тебя, - и то бы не нажал на спусковой крючок автомата. Никого не убивал, но был свидетелем убийств и насилий. Был молчаливым свидетелем. Из тебя за год твой прапорщик и деды выбили тот свободолюбивый дух, который обрел в среде художников. Но живопись и спасла тебя. Большую часть войны ты провел, изображая бравых бойцов спецотрядов, побеждающих горцев. Этими картинами подталкивал к творящемуся беспределу. О зачистках лучше не вспоминать. Ты не участвовал, но почему не встал на пути насилия... Почему?

Вряд ли зеленый коридор откроется для тебя. Ведь грех не только в его свершении, грех в мыслях, грех в соглашательстве, грех – в трусости. Со всех сторон подтверждают – греховны даже мысли, смеются над твоей наивностью, некоторые даже думают, что ты большой плут, что хочешь обманом войти в царство небесное. Но если меня обвинят во всех этих грехах – возмущаешься ты – тоже не буду молчать. Я что? Добровольно пошел воевать, я что? – участвовал в зачистках. Я что? – грабил и насиловал. Никогда. Если вы все здесь такие праведники, то почему не смогли меня оградить от грязной войны. Скажут – ты мог бы дезертировать. Увы, тогда бы я оказался здесь значительно раньше. Ведь там, в горах, стоило отколоться от своей части, выйти одному на тропу, как почти тотчас ты становился жертвой. Тебя могли похитить и сделать рабом, тебя могли просто зарезать, мстя за смерть близких. Могли с живого снять скальп. Если бы видели нашего сержанта, если бы видели его голову в крови! Но ты ведь убеждаешь, что был художником. Тебе бы не мстили... Они ведь не могли знать, что в руках моих были только кисти. Хорошо, соглашаются – даже на войне ты не замарал себя убийством. Но ведь и в обычной жизни, мы тоже убийцы. Здесь трудно возражать и трудно найти оправдания. Мы убиваем своих детей. И это самое страшное преступление. Сколько их не рожденных погибло в операционных. Но я причем – почти кричишь ты. Звуков не слышно. Но твой разряд пронзает окружающих тебя. Они возмущены, они ставят тебя на место.

Ты не убивал их – спрашивают снова и снова. Отвечаешь – мой голос не был решающим, когда определялась их участь. Но ты был все же молчаливый соучастник. Вспомни студентку из иняза, которая едва выжила после нелегального аборта. Ты ведь дал ей денег на этот аборт. Ты ведь тоже, как и она, страшился появления на свет твоего же дитяти. Казалось, все полетит, и учеба, и дальнейшая жизнь. Все полетело и без этого, годом позже. А мог бы жить мальчик, шестимесячных сейчас спасают, а его погубили. С годами только осознаешь непоправимость ошибки. А ведь возможно он, этот мальчик, уже был наделен душой. И правильно корила тебя твоя жертва: «Почему ты не остановил меня! Почему ты дал денег!» Она была белее самой белой бумаги, в лице ни кровинки. Было сильное кровотечение. Ты свез ее на такси в больницу. И там выслушал много обидных слов от врача. Еще бы немного и ты стал бы косвенным виновником не только смерти не рожденного ребенка, но и смерти этой девушки, только вступающей в жизнь, веселой хохотушки с рыжими кудряшками и ямочками на щеках. Если бы это было единственное убийство. Его можно было бы оправдать незнанием жизни, неопытностью, несдержанностью. Ты же не принуждал ее. Она сама пришла к тебе в ту ночь, когда точно знала, что все твои соседи по комнате уехали на практику, и ты остался, потому что тебе предстояло участвовать в лыжной эстафете.

Не принуждал и других. Возможно, их десятки твоих не рожденных детей. О каком зеленом коридоре может идти речь. Нет, хочешь оправдаться ты, разве я один такой грешник, ведь у всех это было, у всех повторялось. Плод еще не мыслящий, не знающий ничего, разве это убийство. И разве нельзя простить этот грех. Ведь потом были рождены дети, все было отдано им и любовь, и квартиры. Для себя того не делал, что делал для них. Почему от каждого соития должен появляться на свет человек. Земля не выдержит всех, пытаешься ты найти оправдания. И рядом, читая твои мысли, какая-то бесшабашная душа подначивает – Ты прав, причем здесь мы? У меня вон сколько было, всех не упомнишь! Это не грех! Чего ты медлишь? Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Дерзай, пробуй! А сам ты? Объясняет – для меня все это безнадежно, я убийца. Ты пытаешься успокоить его – все мы убийцы.

Надо покаяться, надо покаяться от души – это говорит кто-то позади. Вспомните, разбойник, распятый рядом с Иисусом, кажется, его звали Дамах, покался, и был прощен и даже очутился в раю. Всезнающий профессор, который успел протолкнуться поближе к зеленому коридору кричит что-то, ага объясняет, что никакого рая нет. Но почему же сам так рвется и хочет побыстрее попасть на Божий суд. Слиться с Богом. Повелевать другими. Странные послы. Но что может быть тягостнее ожидания и неведения. И чего страшиться, если ты уже потерял тело, избавился от всех земных радостей, избавился от боли, что могут еще с тобой сделать. Приговорить к вечным мучениям, заставить в ледяном космосе нестись в бесконечном пространстве. Мучить душу воспоминаниями о твоих грехах. Да много ли их? И со всех сторон – множество, безгрешных нет, хочешь быть лучше других. Вспомни правило – не высывайся! И кто-то впереди стоящий добавляет: ждите, вас вызовут...

Они правы. Нет, ты не для зеленого коридора. Ты забыл еще одну заповедь, которую постоянно нарушал – не прелюбодействуй. В чем же прелюбодеяние – в любви? Так сам же Всевышний заповедовал – плодитесь, размножайтесь, сам призывал к этому греху. А тут не только содеянный грех, но даже мысли о нем осуждаются. Не прелюбодействуй в мыслях своих – легко запретить и при этом сделать столь сладким и желанным соитие, что никакой запрет не может остановить. Сам же и подстроил ловушку.

Получается, что грешил постоянно. Даже во сне. Ведь самые сладкие соития происходят именно во сне. Но отвечает ли человек за свои сны, за свои грезы. Нельзя понимать заповеди так буквально, как этого хотят церковники на земле. Угодно ли Богу их рвение. Если он вообрал в себя умы многих поколений, неужели не понял в чем суть земной жизни? Есть смысл прорваться, высказать ему все, не отворачиваясь от него, как делали все древние пророки, страшась Божьего сияния.

Ты уговариваешь себя – ну чем я рискую. Достаточно в жизни я был слишком осторожен. Фактически старался исполнить главную заповедь – не навредить ближнему, не делать ему того зла, которое не хотел бы навлечь на себя. Любовь к ближнему – так просто и в то же время эту главную заповедь труднее всего исполнить. Любить даже врагов своих. И если ударили по правой щеке, подставлять левую. Нет, это увольте. Тогда теряется смысл существования. Ведь мы должны бороться со злом. А если нет – тогда тьма, тогда насилие, тогда фашизм. Грех в самой проповеди смирения и непротивления. Возможно, в святых писаниях много ошибок в переводах. Ведь перевод зависит не только от текста, но и того, кто его производит, кто вольно или невольно вкладывает в него и свои мысли. Кто были эти переводчики? Святоши, праведники, измученные воздержанием и постами аскеты, давшие обет безбрачия, кастраты... Что они могли знать о любви. Садомия и мастурбация, доступные им, вот смертные грехи. Вот этих грехов за тобой не было. Это пусть они каются, пусть усерднее бьют поклоны. Вспомни еще – о каких грехах даже не помышлял. Они будут твоим оправданием. На чаше весов добро перевесит зло. Ведь никогда не покушался на чужое – знал твердо – не укради. Не лжесвидетельствовал. Верил по-своему, что есть Высший разум, есть Господь. Не верил тем, кто именем Всевышнего разжигал рознь и был нетерпим. В Хайфе, на вершине горы Кармель, в белоснежном храме, погруженном в райский сад – понял: Господь един. Все пророки, все его посланцы, все Мессии хотели добра, но невольно для себя разделяли людей. Теперь, уже здесь, в толще людских душ осознаешь, что тоже был посланцем разума, что все люди – Божьи дети. А как же могло быть иначе. И проверка душ нужна. Нужна тщательная проверка. Теперь ты это понимаешь. Ведь если Бог впитывает

души, переполненные злом, он тоже может стать носителем этого зла. Ему нужна подпитка добра. Может быть, поэтому допускается смерть невинных детей. Но не лучше ли не сразу уничтожать души, проеденные злом. Но где граница добра и зла. И где пределы смертных грехов? Конечно, нужна проверка.

Но можно все же доверить и душам самим распорядиться своей судьбой. Толпятся все в нерешительности. Отсюда и скопление душ. Надо быть смелее. Рискнуть прорваться через зеленый коридор? Именно около этого коридора некоторая разреженность пространства. Здесь же такое ощущение, что не хватает воздуха. Словно тебя сунули в гигантскую душегубку. Ты задыхаешься. Но ведь душа, лишенная тела, не должна страдать из-за отсутствия воздуха. Душе не страшен вселенский космос. У нее другие мучения. Ты ведь никогда не боялся боли, знал, что существует тот предел, когда боль становится невыносимой и теряешь сознание. Но здесь другая боль, мучения души сильнее любой боли. Твои грехи выворачивают ее, пронзают токами. И хочется прекратить эти страдания, но ты не волен это сделать. Хотя почему? Рискни – немного усилий и тебя втянет в тот поток, что невидимым вихрем увлекается в трубу зеленого коридора. Рискни, ведь ты никогда на земле не боялся риска. Задыхался в горящем отсеке корабля, дважды тонул в холодных водах, был ранен и провалялся целые сутки на горном перевале, истекая кровью. А здесь, лишенный тела, чем ты рискуешь? Зато можно будет в случае удачи высказать все, что думаешь о Всевышнем, об этом вселенском разуме, который не смог уберечь целые народы, который допустил опустошение городов чумой – этой черной смертью, который не остановил поезда, везущие людей в лагеря смерти, который не отсек руку пилота, сбрасывающего атомные бомбы на японские города, который не вразумил тех, кто тоннами готовили химикаты для уничтожения себе подобных. Если ты Всесильный, если ты вбираешь все наши души, должен знать, как человек может быть жесток, как рождаются палачи. Выкрикнуть все это ему, невидимому, окруженному невыносимо ярким сиянием, выкрикнуть и смириться с любой судьбой. Только бы достичь его престола. Но если тебя прихлопнет зеленый коридор, ты не только не сумеешь встретить души своих родителей и друзей, твою душу лишат существования. Но поздно отступать. За тобой уже устремились соседние души. Всего лишь и продвинулись на какие-то несколько метров и уже становится легче дышать, уже не так давит душу. И, кажется, тебя втягивает в коридор, стенки которого составляют серебристые лучи. Тебя начинают покалывать разряды. Ты ощущаешь боль. Но эта боль не страшит тебя. Напротив приходит облегчение. Так всегда бывало с тобой, ты долго мучился в поисках верного пути, но если уже решился, шел до конца. Тебе всегда везло. И сейчас, ты как никогда уверен, что тебе повезет. Светящийся зеленый глаз впереди все увеличивался в размерах. Ты вдруг ощущаешь сильную боль. Это не боль души, это похоже на ту боль, которая пронзает инфарктное сердце. Ты неслышно кричишь. Зеленый огонь вспыхивает еще ярче. Ты в ужасе, сейчас твоя душа прекратит существование.

Ты видишь людей в зеленых халатах, они посылают разряды в твое ожившее сердце.

[Авторская страница Олега Глушкина на сайте
Литературной газеты Путник](#)

Алла Любимова

Морские гребешки

После вчерашнего шторма море было удивительно тихим. На берегу медленно высыхали лужицы от прилива.

- Сегодня хорошо будет собирать королевки.

Королевки – это самые красивые ракушки на Чёрном море. Научное их название – морские гребешки. Разноцветные, белые, оранжевые иногда серые или чёрные... Чем-то они и вправду напоминают роскошный гребень, достойный волос принцессы. Впрочем, скорее они похожи на пышное платье королевы со множеством складок и бантом. Отсюда, наверно, и их “простонародное” название – королевки.

- Откуда взялись эти ракушки? Почему они такие красивые?

- Хочешь знать? Ладно, я расскажу тебе.

Это было очень-очень давно. В те времена жили в море два русалочьих племени. Одно – обычные русалки: зеленоглазые, зеленоволосые с рыбьими хвостами вместо ног. Такие есть и сейчас.

Русалки другого племени почти не отличались от людей, только на ногах у них были ласты, такие как сейчас надевают иногда пловцы, и волосы были у них разноцветные: белые, красные, оранжевые..., а у главной русалки – необыкновенно яркого и чистого голубого цвета.

На берегу моря в то время жило мирное племя рыбаков. Это были отважные и сильные люди, влюблённые в море. Жизнь их была трудной и опасной. Морской Владыка не любил людей, он поднимал страшные штормы, топил рыбацьи лодки. Да и приливы на море были тогда побольше нынешних.

Не любил Владыка и русалок с разноцветными волосами за то, что были они похожи на людей, за то, что дружили с людьми. Ближе и роднее были ему русалки с рыбьими хвостами такие же жестокие и враждебные людям, как он. Они тоже недолюбливали своих разноцветноволосых сестёр и с насмешкой называли их Морскими гребешками.

Морские гребешки дружили с людьми, во время шторма старались спасти рыбаков, часто приплывали они вечерами к людям, слушали их песни. Случалось, что одна из русалок влюблялась в земного юношу. Но если Морской Владыка узнавал об этом, он губил возлюбленного русалки, и она до конца дней была безутешна. Волосы её чернели, в глазах поселялась грусть...

Был в то время жестокий обычай. Раз в год рыбаки должны были приносить в жертву Морскому Владыке самую красивую девушку своего племени. Иначе он угрожал поднять такие штормы, что ни один рыбак не сможет выйти в море, и всё племя умрёт голодной смертью. Девушку во время отлива отвозили на безлюдный остров. Начинался прилив, волны заливали остров и уносили её.

Однажды самой прекрасной девушкой, предназначенной в жертву Морскому Владыке, оказалась дочь вождя племени. Никто не знал, что бедный юноша рыбак любил её давно и безнадежно. За день до срока жертвоприношения вышел он в море на своей лёгкой маленькой лодке и бросил вызов Морскому Владыке.

- Чем губить беззащитных девушек – сразись со мной! – крикнул он.

Слова дерзкого юноши рассмешили Морского Владыку. Он поднялся наверх и произнёс: «Я мог убить тебя сейчас, но меня позабавила твоя смелость. Я согласен сразиться с тобой. Завтра девушку отвезут на остров. Если ты сможешь за час до прилива спустить на воду свою лодку, доплыть до острова и забрать её – я не только больше никогда не потребую жертвы, но сделаю так, что приливы на Чёрном море будут совсем небольшими, и редкими станут по-настоящему сильные штормы».

Морской Владыка расхохотался и скрылся в волнах. А на следующий день за час до прилива разыгрался на море такой шторм, что самая крепкая лодка разломилась и утонула бы как скорлупка.

Но Владыка не знал, что Морские гребешки слышали его разговор с рыбаком и решили помочь храброму юноше. Когда начался шторм, от берега моря до самого острова замелькали в волнах разноцветные волосы. Острыми обломками ракушек русалки порезали свои белоснежные руки, и там, где пролилась в море их кровь, пролегла по воде дорожка гладкая, как стекло, с двух сторон от которой продолжали бушевать огромные волны.

Юноша спустил лодку на воду и погнался по зеркальной дорожке быстро, как ещё никогда не гнал. Он доплыл до острова, когда только маленький клочок суши оставался ещё непокрытым водой, забрал девушку и так же быстро вернулся назад. Он даже не успел поблагодарить добрых русалок – как только лодка коснулась берега, они скрылись в волнах.

Весь вечер на берегу не умолкали песни, не прекращались танцы – счастливые рыбаки празд-

новали свадьбу смелого юноши и прекрасной девушки. Но Морские гребешки не вышли в этот вечер на берег полюбоваться танцами, послушать песни. Разгневанный Владыка заточил их в подводной темнице.

- Утром я решу, что с вами делать, - произнёс он и вернулся в свой роскошный дворец.

Только русалки с рыбьими хвостами знали о беде, постигшей Морских гребешков. Только одна из них, самая юная и прекрасная пожалела сестёр. Когда-то во время сильного шторма волны чуть не разбили её о скалы. Морские гребешки спасли русалочку, и с тех пор она подружилась с ними. Узнав о заточении подруг, она приплыла к решёткам подводной темницы и сказала, что хочет разделить их участь.

Главная русалка улыбнулась ей.

- Этим ты нам не поможешь. Лучше поднимись наверх и попроси Морской Ветер, чтобы он разыскал добрых фей и позвал их к нам на помощь.

Маленькая русалка поплыла наверх. Она старалась плыть как можно быстрее, но уж очень глубоко была темница, очень далеко до поверхности моря. Долго пришлось ей плыть. Задыхаясь от усталости, выплыла она наверх и рассказала обо всём Морскому Ветру, а он помчался разыскивать добрых фей.

Узнав о беде русалок, феи быстро полетели к морю. Но уже засверкали первые утренние лучи, уже выносил приговор Владыка.

- Я превращу вас в ракушки, - произнёс он и только хотел сказать, что никогда уже им не вернуть прежний облик, как появились феи.

- Ты успел заколдовать их, Владыка, - сказали они, - и мы бессильны, но знай – Морские гребешки будут самыми красивыми ракушками в твоём море, у каждой будет цвет волос русалки, которая в неё превратится. Люди будут любить и собирать их. Мы знаем – голубую ракушку, в которую превратится главная русалка, ты спрячешь в самых глубоких морских глубинах, но однажды волны всё равно вынесут её на берег, где кто-то её найдёт. Помни – как только коснутся её человеческие руки – она сразу превратится в русалку. И все её сёстры, где бы они не оказались, вернуться в море в прежнем своём обличье, - сказали феи и скрылись.

А маленькую русалочку Морской Владыка сослал в Днепр. Её дочери стали речными русалкам.

- Кто тебе рассказал об этом?

- Не помню. Может быть, Морской Ветер.

- Я буду искать голубую королевку.

- Ищи, вдруг тебе повезёт.

[Авторская страница Аллы Любимовой на сайте Литературной газеты Путник](#)

Александр Рубцов

Шаблоны

Кто эти шаблоны придумал? Кто, скажите мне, их изобрёл?! Пнуть бы ему... от души... по копчику – чтоб знал! Ведь куда ни глянь, все в какие-то рамки лезут...

Познакомился тут в ресторане с барышней. Красивая. По внешним характеристикам, как раз в мой шаблончик входит – даже выпирает местами. Разговорились. Я в её шаблоне тоже уместился – по улыбке понял. Но тут, достаёт барышня из кармана второй шаблончик. «Какая, спрашивает, у тебя машина?» Мне почему-то неловко сделалось, но врать не стал – всё равно, думаю, узнает. «Нету, отвечаю, машины...» А сам чувствую – шаблончик её второй, мне не по размеру – сильно великоват. В общем, выпал я из него с грохотом и под ядовитую усмешку... «У него, говорит, не то что приличной машины, а даже задрипаной «девятки» и той не имеется; на привокзальной площади подружку себе выбирай...» Такие вот последние слова её были...

На площадь привокзальную я не пошёл, но подружку искать продолжил, потому, как природа она своё требует и тоже в рамки запихнуть пытается. Да и общественность, время от времени, с шаблоном вмешивается. «Как, мол, это так – говорит общественность – тебе столько лет, а ты не женат до сих пор? Не правильно это, не по шаблону. Смотри вот – продолжает общественность и прикладывает шаблон на приятелей и знакомых: этот в формате, этот тоже, а этот вообще идеально вошёл – сам начальником работает, выпивает в меру, жена у него хорошая, детишек двое, машина новая, дачу строит... Тебе тоже надо в шаблон залазить, а то совсем за рамками бегаешь».

Да порвать бы их к чертям, шаблоны эти! Но... Короче познакомился я с другой барышней. Шаблон на неё прикинул, вижу – не идеал, местами не дотягивает. Но про ту, которая выпирала, вспомнил и подумал – сойдёт. А то у этих «выпирающих», шаблоны какие-то здоровенные; вывалиться из них нашему брату – раз плюнуть.

Разговорились. Я первым делом сказал, что машины у меня нет и, мол, будет когда – я не знаю. А она говорит, что у неё такого шаблона не имеется, точнее с собой не имеется – дома, где-то завалился, потому как машина – вещь нужная, но, мол, не сразу... и при необходимости она шаблончик тот отыщет. В общем, беседуем дальше, о том о сём. И тут гляжу – шаблон у неё из кармана высовывается. И она аккуратно так, с улыбочкой спрашивает:

– Кем же ты, друг любезный, работаешь?

Я отвечаю:

– Слесарем на заводе тружусь, – а сам чувствую: покачнулся в шаблоне.

Она уже более откровенно другой шаблон достаёт, улыбаться перестала:

– А сколько ты, друг любезный, зарабатываешь?

Чувствую – не удержусь! Сейчас опять вывалюсь из шаблона... Только оклад свой назвал и точно – шлёпнулся. Но она, к удивлению, подняться мне помогла, отряхнула.

- Ничего, - говорит, - учиться пойдёшь. Сперва мастером станешь, потом начальником цеха; постепенно запихну тебя в свой шаблон.

Ну, вот, господа, время незаметно летит – учёбу скоро заканчиваю. Через месяц должность мастера освободится – начальник обещал, что меня поставит. Кстати, завтра с женой в автосалон идём – машину новую присмотрели – будем брать. Надо заметить и общественность докучать перестала – при встрече улыбается: теперь, говорит, ты такой же, как мы – в шаблоне.

А этот... ну, тот который шаблоны изобрёл – неплохо придумал, мне кажется... в шаблоне-то оно, спокойнее как-то...

Странно

Проснувшись субботним утром, Свинарёв потянулся всем своим грузным тридцатипятилетним организмом. После этой процедуры, повернувшись, он посмотрел на жену.

“Странно, - подумал Николай, - чего это она лыбится с утра? Не к добру”.

- Да сон хороший видела, – прочитав мысли мужа, ответила Зоя.

- А-а-а, - удовлетворённо протянул супруг, - ничего, бывает. А мне знаешь, что сегодня приснилось?
 - Что?
 - Будто я с Николаем Валуевым 12 раундов провёл.
 - Странно...
 - Что странно?
 - То, что ты проснулся вообще, странно.
 - Ничего странного, я же тоже боксёр.
 - Странно...
 - Что опять странно?
 - Когда же ты им стал?
 - Так в пятом классе ещё занимался... полгода... почти...
 - Странно...
 - Ё-ё!.. Что ж опять тебе странно?! – начал злиться муж.
 - Если ты боксёр, то почему тогда у ларька от тех двух убежал, которые у нас денег на выпивку просили?
 - Во-первых, не убежал, а ушёл... быстрым шагом... в туалет приспичило. А во-вторых, у них весовая категория не моя была...
 - Да они вдвоём легче тебя на сорок килограммов были.
 - Так я и говорю: не моя категория.
- Супруги замолчали. Каждый задумался о своём, уставившись в давно не крашенный потолок.
- Всё равно – странно... - произнесла Зоя, внимательно разглядывая желтеющую на верху побелку.
 - Я тебя сегодня в ремонт отнесу. По-моему у тебя механизм, отвечающий за странности, повредился – заедает что-то, – еле сдерживаясь, чтобы не закричать, съязвил Николай.
 - Тебя всю ночь Валуев дубасил, - по-прежнему не уходя с потолка, размышляла жена, - а у тебя ни одного синяка, странно... - подвела она итог с сожалением.
 - Так ты чего, я же не боксировал с ним...
- После этих слов в сознание женщины закралось подозрение и взгляд сверху упал на мужа.
- А что вы с ним 12 раундов делали?! – удивлённо спросила она.
 - Эй, ты чего там подумала? Я его в перерывах полотенцем обмахивал, – поспешил оправдаться муж. – Устал – жуть!

- А-а-а, - облегчённо выдохнула супруга. – Только с чего там уставать-то?
 - Ага! Иди такую ряху обмахай!
 - Я бы помахала! – Глаза Зои мечтательно закатились.
 - И чем бы это ты помахала, интересно? – В голосе Николая проскочили нотки ревности.
- Какое-то мгновение его внимание задержалось на груди жены:
- Если «сосульками» - то напрасно! Не каждый это зрелище выдержит. - И уже уходя от Валуева, Свинарёв требовательно произнёс:
 - Расскажи-ка лучше: кого это ты с самого утра своим оскалом очаровывала?
 - Меня сегодня Арнольд Шварценеггер по ресторану водил! – возвращаясь в сон, хвастливо произнесла жена. – Там такой зал шикарный был, как музей!
 - Он чего там, экскурсоводом работал?
 - Нет. Официантом.
 - Странно... - Николай задумался. - Тебе же Ван Дамм нравится? Он-то к тебе не заходил?
 - Он меня с потрясающим букетом роз за столиком ждал!
- После этого «удара» мужчина снова задумался.
- Ты это, Зой... слышь... - начал он ласково, и рука его нежно легла на плечо жены. – Скажи им там... пусть лишнего себе не позволяют! Я ведь не посмотрю, что каратист, приеду с мониторингом и... - рука мужа постепенно опускалась книзу, по дороге совершая расслабляющие манёвры.
 - Что «и»? – с озорством посмотрев на Николая, спросила жена.
 - Что, что... да вот что! – Супруг развернул свою «половину», и в его крепких объятиях она вновь ощутила себя той юной красоткой, ради которой он совершал такие безумства, что все её подружки икали от зависти.
- «Эх, Свинарёв, - подумала Зоя, – как же я тебя люблю, когда ты такой! ...А в следующий раз Стивен Сигл будет. Посмотрим, как он заведёт!»

Свадьба

Семейное торжество – свадьба. Приглашены родственники, друзья и близкие знакомые объединяющихся в родстве семейств. В ресторане накрыт большой стол. Во главе – естественно, молодожёны.

Давайте посмотрим, что происходит, о чём говорят и о чём думают сидящие на празднике.

Невеста незаметным взглядом обводит ещё скромных, но уже жующих гостей. Натыкаясь на компанию молодых людей, взгляд её холодеет:

«Господи! Ну и друзья у моего охламона. Неужели мне придётся встречать эти рожи в нашей квартире?! Надо будет посоветоваться с мамой, как этого не допустить. Думаю, от того рыжего я избавлюсь без проблем. А вот этот прыщавый, с внешностью уголовника, просто так не исчезнет, по всему виду – любит на халяву поживиться! Вон как бутерброды с икрой трескают!»

Невеста, повернувшись к жениху, спрашивает:

- Лёничка, милый, скажи, а что вон тот, с пупырышками, из твоих друзей, в тюрьме сидел?

- Витька? Да не... Он учителем начальных классов работает, детей учит.

«Да, теперь понятно, почему у нас в стране такой уровень детской преступности. Ничего удивительного, раз такие типы воспитанием подрастающего поколения занимаются...»

- Горько! – начинает дядька невесты, приехавший из глухой уральской деревеньки Балалаево.

Весь стол подхватывает радостный клич родственника, заставляя молодых подняться и произвести положенный ритуал. Выполнив необходимое действие, жених, улыбаясь, садится за стол.

«Интересно, сколько раз ещё этот «балалаечник» «горько» будет орать? Зачем они его вообще позвали? Таких людей просто в родственниках иметь – уже наказание, а они его на свадьбу пригласили. Это ж надо в Подмоскowie с Урала на лошади с телегой приехать! Всем подарки привёз – балалайки! Нам с Наташкой самую большую, полкомнаты заняла! Напьюсь – сожгу в камине!»

Взяв очередной бутерброд с икрой, прыщавый, улыбаясь, смотрит на невесту:

«Эх, Лёнька, Лёнька! И как он спать будет с этой страшилкой? Напиваться ему, что ли, каждый раз перед этим делом? Так ведь сопьётся совсем... а детей-то надо родить здоровых. Ну и крокодила же он себе нашёл! Наша математичка насколько безобразна, но эта!...»

- Слушай, Колян, – Витёк обращается к своему рыжему соседу. - Тебе невеста как баба, ну... как женщина, нравится?

Витек, окосевший уже после второй стопки, расплывчатым взглядом смотрит на друга. Махнув рукой, он невнятно произносит дежурную фразу:

- С пивом потянет.

- У-у-у. Да ты уже набулькался! Не закусываешь, что ли, ни хрена? Зря! Завтра ты этого избытка уже не увидишь. Рубай, пока есть возможность!

В этот момент дядька невесты вновь поднимает налитую рюмку и громко выкрикивает:

- Горько!!

Добившись поцелуя брачующихся, он выпивает спиртное и садится на место.

«Ох, и тощего Наташка мужика себе нашла. В ём ведь силы-то совсем нету! Наши парни хоть и пьют часто, но этого-то одной отрыжкой в угол загонют! Едят тут химию одну. Он и в постели, поди: сунул, высунул - и спать, завтра мне с утра вставать. Не, не мужик это... И лошадь ему моя не понравилась... Точно, не мужик... А куда мне её деть, лошадь-то? Акимычу, что ль, оставлять? Так он её пропъёт либо голодом уморит. Нет, не мужик,дохлый слишком... Ишь ты, лошадь ему моя не понравилась!»

Празднование в честь появления новой ячейки общества приближается к экватору. Гости под воздействием выпитого раскрепощаются, общение между присутствующими становится более тесным и шумным. Невеста, выпивая третий фужер шампанского, веселеет, избавляясь от давившего напряжения.

- Белый танец! – объявляет тамада. – Дамы приглашают кавалеров!

Здоровенные динамики заполняют помещение вступительными аккордами медленной песни:

«Как упоительны в России вечера», – вылетает из них приятный баритон, заставляя виновницу торжества воскликнуть:

- Ой, милый! Моя любимая песня! Можно, я с кемнибудь из твоих друзей потанцую?!

- Желание невесты – закон! – соглашается жених, отчасти радуясь, что на время останется без надзора.

«А этот «учитель-уголовник» вообще-то ничего, - изменяет своё мнение Наталья, выбирая кандидатуру для танца. - Угри на лице даже создают ему этакий харизматический образ».

Подойдя к нему, она уверенно протягивает руку и вопросительно произносит:

- Можно вас на танец?

Витёк слегка теряет от всеобщего внимания, но тут же, отбросив робость, встает на приглашение. Осторожно положив руки чуть выше талии девушки, он медленно ведёт её за собой, покачиваясь в такт музыке.

В этот момент кто-то из друзей Лёньки, воспользовавшись отсутствием невесты, незаметно подаёт ему стопку водки:

- Мочи! Чтоб брачная ночь была эффектней!

Леонид, подмигнув приятелю, резким движением опрокидывает «веселящую жидкость» в рот. Надо заметить, что эта порция являлась далеко не первой и потому настроение жениха приближается к отметке - «максимальная радость». На какое-то время, забыв про невесту, он переключает внимание на жителя деревни Балалаево, ставшего ему теперь родственником.

«И чего я на него взъелся? Нормальный русский мужик. И главное с юмором. Тётя Галя вон целый вечер от него хохочет. А для балалайки надо место в интерьере поудачней подобрать, и будет хитово! Вот я дурак – ломать её собирался. А ведь если разобраться, это ж, сколько надо решительности иметь, чтоб до нас от них на лошади приехать! Во даёт – уважаю! Пой-

ду-ка поговорю с ним».

Белое платье невесты, прижатое на талии парой мужских рук, покачивается под душевную музыку. Хмельной педагог сосредоточен, но встречаясь взглядом с девушкой, улыбается:

«А она вовсе и не страшилка, как мне казалось. Даже симпатичная... и фигурка хорошая. Очень бы я хотел потрогать эту грудь! Ух, Лёнька – повезло! А ведь из всех меня пригласила! Где там Колян? Завидует, наверно, что не его выбрали?!»

Но учитель ошибается. Его рыжий друг не завидует, он уже три минуты разбавляет винегрет слюнями, по классическому сценарию уснув в салатнице. Никто не обращает на храпящего Кольку внимания. Все получают удовольствие от общения, танцев, выпивки и закуски.

Тем временем жених подсаживается к провинциальному гостю и с восхищённой улыбкой произносит:

- Дядя Паша, дай «краба»!

Сельчанин, со всей открытостью души выпившего человека, протягивает мозолистую ладонь:

– Держи, Лёнька!

Крепкое рукопожатие перерастает в такие же крепкие объятия. У растроганного жениха наворачивается слёза:

- Молодец, что приехал, дядя Паша, молодец! – хлопает он по плечу брата своей тёщи. – Пойду-ка я воздухом подышу... – растрогавшись, объясняется Лёнька.

- Давай, зятёк, сходи, коли уморился! – поддерживает его дядя жены.

Леонид выходит на улицу, а Павел Васильич остаётся за столом:

«Ой, ты смотри ж! Лёнька-то замечательный парень, оказывается! Щупловат, конечно раздери её копыта, но человек-то душевный! Но ничего, были б, как говорится, кости, а мясо нарастёт. Я их к себе на откорм возьму. Наташке тоже не мешало бы сиськи попышнее отрастить. В общем, на медовый месяц к себе забираю молодожёнов!»

Все гости на пике веселья. Они танцуют, кушают и пьют.

Вот здесь, друзья, на этой оптимистичной ноте, давайте покинем эту свадьбу. Не будем им мешать, пусть веселятся. А мы останемся под хорошим впечатлением от увиденного. Уходить-то, оно ведь знаете, тоже надо вовремя уметь!

[Авторская страница Александра Рубцова на сайте Литературной газеты Путник](#)

Илья Криштул

Соперницы

В таком огромном «Детском мире» Олечка Бунеева ещё не бывала. Да и мама, которая её сюда привела, тоже, поэтому отдел детских платьев они искали долго. Первым его издалека увидела Олечка и такой восторг заплясал в её глазёнках, что мама перестала жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить детскую радость...» - так думала мама и не заметила, что восторг вдруг сменился слезами, а радостный смех – жалобным подвыванием. Объяснилось всё просто - навстречу им шла Ирочка Канделябрис, подруга Олечки по детскому садику, тоже с мамой, а в руках... А в руках счастливая Ирочка держала вешалку с прекрасным розовым платьем, тем самым, ради которого Олечка с мамой сюда и приехали. И, что самое ужасное, это платье было последним, о чём Ирочка, конечно, Олечке сразу и сказала. Надо отдать Олечке должное - истерика у неё началась не сразу. Сначала кассирша упаковала платье в блестящий, тоже розовый, пакет, потом с улыбкой отдала его Ирочке, та обернулась и посмотрела на Олечку... Вот этого взгляда Олечка уже не выдержала. Пять испуганных продавщиц в течении часа пели и танцевали для неё, старший менеджер магазина подарил три мягкие игрушки, платье обещали привезти прямо домой и – это уже для мамы – с огромной скидкой, но всё было бесполезно. Успокоило Олечку только вкусное бесплатное мороженое и данное самой себе обещание никогда – НИКОГДА! – не дружить с Ирочкой Канделябрис.

В этом огромном автосалоне в центре Токио Ольга Бунеева, ныне Пересыпкина, ещё не бывала. Да и муж, который её сюда привёз, тоже, поэтому нашумевший, разрекламированный и обещанный ей мужем розовый «Бугатти» они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга и такой восторг заплясал в её цветных контактных линзах, что муж перестал жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить...» - начал думать муж, как вдруг Ольга резко остановилась. Объяснилось всё просто - в розовом «Бугатти», в уже почти её, Ольги, розовом «Бугатти» сидела Ира Канделябрис, а рядом, в окружении услужливых менеджеров автосалона, стоял Ирин муж и подписывал какие-то бумаги, роняя кредитные карточки. Ольга поняла - розовый «Бугатти» уплывал к другим берегам. Надо отдать ей должное – в автосалоне истерики не было. Она случилась позже, в гостинице, и только самое дорогое мороженое города Токио в самом дорогом ресторане этого же города сумело

слегка её успокоить. Там же, в ресторане, Ольга дала себе слово никогда не жить с Ирой Канделябрис в одном городе и даже заставила мужа оставить какую-то мелочь симпатичному официантку.

В нью-йоркском торговом зале аукционного дома «Сотбис» Ольга Пересыпкина ещё не бывала, да и шофёр, который её вёз, тоже, поэтому зал этот они искали долго. Первым его издали увидела Ольга и подвески из розового золота, принадлежавшие пятьсот лет назад какой-то французской королеве, уже начали плавно перемещаться из каталога «Сотбис» в Ольгину коллекцию драгоценностей, как вдруг она заметила ненавистный розовый «Бугатти», стоящий у самого входа в зал. Сама Ира Канделябрис, видимо, была внутри и уже держала в своих мерзких неухоженных руках королевские подвески из розового золота. Ольга даже не стала туда заходить. Позже, в ресторане, поедая эксклюзивное мороженое, Ольга Пересыпкина поклялась никогда больше не жить с Ирой Канделябрис в одной стране.

В ритуальном агентстве, расположенном на окраине Подольска, пенсионерка Ольга Борисовна Пересыпкина ещё не бывала, а какой-то нерусский подольчанин так хорошо объяснил дорогу от остановки, что бедная Ольга Борисовна ещё два часа искала этот неприметный подвал. Найдя его и попав, наконец, внутрь, Ольга Борисовна сразу увидела то, зачем она ехала сюда из своего Гольянова. «Гроб розовый уценённый» - было написано на ценнике. Соседка по очереди в беседе не обманула – гроб был очень дешёвый и Ольга Борисовна подозвала продавца. «А этот товар продан» - скорбно сказал продавец: «Соболезную». «Я даже знаю, кто его купил» - ответила Ольга Борисовна и вышла на улицу. Ожидая обратный автобус, она смотрела на ларёк с мороженым и молилась об одном – умереть на день позже Иры Канделябрис.

На похоронах Ольга Борисовна не плакала. Во-первых, больше проститься с Ирой Канделябрис никто не пришёл, так что Ольга Борисовна была вся в похоронных хлопотах и ей было не до слёз, а во-вторых... Во-вторых, не хотелось ей плакать. Ей хотелось вернуться в тот огромный «Детский мир», в котором Ирочка Канделябрис купила розовое платье, то самое, ради которого туда приехала маленькая Олечка Бунеева. И что б Ирочка была счастливая и держала в руках розовый пакет с платьем, а Олечку продавщицы бесплатно угощали мороженым – самым вкусным мороженым в её жизни... А рядом бы стояла Олечкина мама... И что бы всё ещё было впереди и это всё было хоть немного другим... Но всё равно розовым.

Михаил Мартыненко

Быть самим собой

Жил был сыр, и над ним все смеялись, потому - что у него было мало дырочек. Над сыром смеялись все - хлеб, масло, печенье и, даже его братья сыры.

Бедный сыр устал от насмешек и захотел стать таким же, как все. Он спрыгнул со стола, перебрался через подоконник и оказался на улице.

На улице он встретил кошку.

Наш путешественник спросил у кошки:

- Ты не знаешь, как сделать, чтобы у меня было много дырочек?

- Не знаю, ответила кошка. Я тут лежу на солнышке, греюсь, не мешай мне.

Сыр пошёл дальше, и встретил воробья, который клевал зёрнышки. Он спросил у воробья:

- Я хочу быть как все, и для этого мне надо, чтобы у меня было много дырочек. Дай совет, как это сделать?

Воробей ответил:

- Нет, не знаю. Не мешай мне кушать.

Бедный сыр пошёл дальше. Пройдя немного, он увидел лягушку и спросил её:

- Ты не знаешь, как сделать, чтобы у меня было много дырочек?

Лягушка ответила:

- Нет, не знаю. Не мешай мне ловить комариков.

Сыр пошёл дальше. Ему стало так грустно, из-за того, что никто не мог ему помочь, и, потом, он очень скучал по своим братьям.

Пройдя немного, сыр увидел собаку.

Наш путешественник спросил собаку:

- Я хочу быть как все, и, для этого мне надо, чтобы у меня было много дырочек. Как мне это сделать?

Собака ответила:

- Не знаю, как тебе помочь. Отойди, не мешай мне охранять.

Пройдя немного, он увидел мышку.

Сыр спросил мышку:

- Ты не знаешь, как сделать, чтобы у меня было много дырочек?

Мышка ответила:

- Знаю, пойдём со мной.

Сыр обрадовался, что наконец он будет как все, и весело пошёл с мышкой.

Мышка привела его к себе в норку, где было много других мышек.

Сыр спросил мышек:

- Вы не знаете, как сделать, чтобы у меня было много дырочек?

Мышки радостно ответили:

- Знаем, и стали прогрызать в сыре дырочки, да так много, что съели его.

Не надо было сыру обращать внимание на разные пустые разговоры, а надо было оставаться самим собой.

Про жадность

В одном дворе жили два мальчика и звали их Витя и Костя. Хотя они и гуляли вместе, но не могли дружить, так как были жадные. Однажды, когда они сидели в песочнице и играли в формочки, у Вити сломался совочек, и он спросил у Кости:

- Дай мне поиграть совочком, ведь у тебя их два.
- Не дам, ответил Костя.
- Не будь таким жадным, дай мне, пожалуйста, в очередной раз попросил Витя.
- Ты мне не давал вчера машинку, сегодня я не дам тебе совок, ответил Костя.
- Ну, дай мне, пожалуйста, упрашивал Витя.

Вдруг откуда-то раздался голос:

- Если вы и дальше будете жадничать, то я вам не буду светить.
- Кто это? Спросил Витя.

- Это я, солнышко, повторил голос.

- Почему? - Спросил Костя.

- Потому, что я, не люблю жадных. Я у вас одно, а свечу всем и, если вы хотите, чтобы я вам светило, вам не надо жадничать, ответило солнышко, и, в этот самый момент, оно спряталась за тучку.

Витя сказал:

- Оно только здесь не светит, пойдём играть в другое место.

- Отлично ты придумал, подхватил Костя.

Куда бы ни ходили наши герои, солнышко постоянно сидело за тучкой и, не желало светить им. Убедившись в том, что солнышко им не светит, они сказали:

- Ну и ладно, будем играть в темноте

- Во что? Спросил Витя.

- Давай построим шалаш, - предложил Костя.

- Давай!... Давай!... бодро воскликнул Витя. Но из чего мы его построим?

- Давай мы его построим из досочек, - ответил Костя.

- Здорово, но у нас только один молоток, - сказал Витя.

- Да..., это мой молоток, я его тебе не дам, - ответил Костя.

- Зато у меня есть гвозди и пила. Если мы хотим, чтобы солнышко нам светило, нам надо делиться, - напомнил Витя.

- Давай я буду держать гвозди, а ты их будешь забивать моим молотком; предложил Костя.

- Конечно, - согласился Витя,- а пилить доски мы будем по очереди.

- Здорово! - Воскликнул Костя.

И наши друзья взялись за работу, а солнышко сверху за ними наблюдало.

После того, как был построен шалаш, солнышко его осветило, и, оказалось, что это не шалаш вовсе, а целый дворец.

С тех пор наши герои жили дружно, делились игрушками и, солнышко от них больше не пряталось, а если и уходило за тучку, то ненадолго. А по ночам солнышко светило другим не жадным детям.

Про дружбу

Жили, были пять братьев, пять пальцев. Однажды, ветер сказал:

- Какие вы дружные! А кто из вас самый главный:- и улетел, посеяв семя раздора.

Тогда пальцы стали хвастаться и гордиться.

Указательный палец сказал:

-Я самый главный, потому - что я указываю, кому и что делать.

На что большой палец возразил:

- Нет, я самый главный, потому - что я старше вас.

Средний палец сказал:

А я связующее звено между вами всеми, поэтому - я самый главный.

В мизинчике проснулся дух бунтарства, он воскликнул:

- Я никому подчиняться не буду! Я сам буду старшим над собой и, оставив своих братьев, пошёл, куда глаза глядят.

И все братья разошлись в разные стороны. Только безымянный остался на месте и стал думать, как объединить всех братьев. Ведь им так было хорошо вместе.

Подумал, подумал безымянный пальчик, ничего не придумал, и пошёл искать младшего брата мизинчика.

Тем временем, собирая землянику, на лесной поляне, мизинчик так увлёкся, что не заметил, как с боку подползла змея и хотела съесть бедный пальчик, а когда мизинчик увидел опасность, то было уже поздно, змея была рядом.

- Эх, если бы были бы мои братья рядом, они бы меня спасли: успел подумать мизинчик.

В этот самый момент и подоспел безымянный братец. Он прыгнул к змее и ловко вставил палку в уже раскрытую страшную пасть таким образом, что змея не могла ни открыть рот, ни закрыть его.

И два брата побежали прочь от этого места, искать других пальчиков.

Средний братец в этот момент сидел на берегу реки и ловил рыбу. Он уже наловил достаточно, как вдруг клюнула такая пребоольшая рыба и, рывок был такой силы, что средний пальчик не удержался и упал с обрыва в реку. Обрыв был очень длинный и крутой и, средний пальчик не мог выбраться самостоятельно.

- Эх, если бы были бы мои братья рядом, они бы меня спасли: выбиваясь из сил, подумал средний пальчик.

Услышав голос о помощи, подошли мизинчик и безымянный пальчик и спасли своего брат-

ца и, уже втроём, они отправились искать оставшихся братьев.

Тем временем большой палец перебрался через высокую гору и увидел красивую поляну. Ему стало так тоскливо, что рядом с ним нет его братьев, с которыми можно было бы весело играть и собирать чудесные цветы, растущие на этой поляне. Расстроенный, он повернулся и пошёл обратной дорогой, надеясь найти кого –нибудь из пальчиков. Проходя по тропинке, он встретил своего братца, указательный палец, который сидел и плакал. Оказывается, он так раскомандовался, что ткнул не туда и, ушибся. Большой палец подошёл к нему, пожалел его и, вылечил и, они весело пошли дальше искать своих братьев.

И когда они встретились все на большой и залитой солнцем поляне, то очень обрадовались друг другу и стали веселиться и играть.

С тех пор братья жили дружно, счастливо и, никто не мог их поссорить. Потому что они поняли, что их сила в дружбе.

Про послушание

В одном сказочном лесу, под большим ореховым кустом, жила зайчиха с зайчатами. Они ели травку, грибы. С ними по соседству, на высоком дубе, жила белка со своими бельчатами. Однажды бельчонок сказал зайчатам:

- Вы тут травку кушаете, а в огороде растёт много молодой моркови и вкусной капусты, идите туда и там пообедайте.

Но зайчиха, услышав такие слова, запретила своим зайчатам ходить в огород:

- Этот огород охраняет большой старый пёс. Туда ходить нельзя.

Но одному зайчонку очень захотелось посмотреть на огород. Он не послушался своей мамы и тайком убежал туда.

Прибежав в огород, зайчонок прокрался к грядкам, где росла капуста. Попробовав один листок, он забыл про опасность и, стал есть всё подряд. Навевшись, он уснул в морковной грядке.

Зайчонка разбудило тяжёлое дыхание над своей головой. Открыв глаза, он, увидел матёрого сторожевого пса. Зайчонок вспомнил запрет мамы не ходить в огород.

Собравшись с духом, наш непослушный герой побежал, куда глаза глядят, но куда бы он ни бежал, всюду был сторожевой пёс. Выбиваясь из сил, зайчонок стал просить прощения и рассказал, как мама ему запрещала сюда идти. На что пёс сказал:

- Я помню, что много лет назад также просил прощения один несмышлёный зайчонок. Ты очень на него похож. Хорошо, я прощу тебя на первый раз, но, обещай мне, что ты сюда больше не придёшь.

- Хорошо! Хорошо!- обрадовался зайчонок, и побежал домой.

С тех пор зайчонок слушал только маму и никого больше.

Потеряшка

В одном доме жил непослушный мальчик Саша, он также не любил убирать за собой игрушки. Однажды мама ему сказала:

- Если ты не будешь убирать за собой игрушки, то их заберёт к себе Потеряшка.

Вечером, когда шёл дождь, Саша в очередной раз не убрал за собой игрушки, он сел читать. В этот самый момент раздался гром, засверкала молния, поднялся сильный ветер, открылось окно и, в комнате настала темнота. В комнату залетела Потеряшка.

Потеряшка сказала:

- Вот ещё новые потерянные вещи для моей коллекции, я их заберу.

- Нет, это мои вещи, я их тебе не отдам!- Возразил Саша.

- Ты их не убрал на место, я их заберу себе,- сказала Потеряшка.

Саша зажгёт фонарь и нашёл потерянный мяч и воскликнул:

- Я нашёл потерянный мяч!

Потеряшка как закричит:

- Не говори так больше!

- Нет, я его всё же нашёл!

В этот самый момент Потеряшка исчезла вместе с неубранными игрушками.

Спустя какое-то время в комнате зажгётся свет, и появилось другое сказочное существо Найдёнка.

Найдёнка спросила:

- Саша, ты меня звал?

- Не знаю. Здесь была Потеряшка и забрала мои игрушки.

Найдёнка ответила:

- Потеряшка унесла их в страну «Потеря». Там она хранит в своём замке потерянные вещи и игрушки.

В этот самый момент раздался голос.

- Как же я испугался!

- Ой! Кто там?- спросил мальчик.

- Это я, твой кот Базя.

- Кто?- переспросил Саша.

- Твой кот,- ответил голос и, из-за дивана появился большой чёрный кот.

- Ой!- Удивился Саша,- а я не знал, что ты умеешь говорить.

- Когда вокруг сказочные герои и всё вокруг становится сказкой,- пояснила Найдёнка, хочешь, я тебе помогу попасть в сказку, где живёт Потеряшка.

Саша с радостью согласился.

Найдёнка сказала:

- Туда путь трудный и опасный, но ты его преодолеешь, тебе будет помогать твой кот. Я с

тобой пойти не смогу, ведь когда люди теряют вещи, я слабею, а когда находят и кладут их на место, то я приобретаю силы. Возьми с собой вот этот фонарь, он поможет тебе, но включишь его, когда тебе будет действительно трудно.

Мальчик взял фонарь и Найдёнка его спросила:

- Ты готов?

- Да!- ответил Саша.

- Тогда; раз, два, три!- Найдёнка хлопнула в ладоши и, мальчик Саша со своим котом оказался в тёмном лесу, на тропинке, которая вела к светлой поляне.

Вдруг Саша услышал сзади шум, это были голодные волки. Саша с Базей так испугались, что кот выгнул спину, сделал большие глаза, зафыркал и, стал пускать искры. От испуга волки убежали, так как они не видели такого зверя. Мальчик с киской спокойно пошли к поляне.

Подойдя к поляне, Саша увидел кусты, рядом с которыми лежал крохотный птенец. Мальчик поднял и положил его в гнездо.

Папа - птичка поблагодарил Сашу и спросил:

- Куда ты идёшь?

- Я, в месте с киской, иду в замок Потеряшки, хочу вернуть мои игрушки.

- Я покажу тебе дорогу, иди за мной и, папа – птичка полетел, указывая дорогу. Саша с Базей пошли за ним.

Птичка довела до места, где начинались горы:

- Дальше мне нельзя, а ты иди прямо.

После этих слов мальчик, в месте с киской, пошёл. Пройдя немного, мальчик услышал страшный рык. Саша с Базей очень испугались. Рык раздавался снова и снова. Тогда Саша прислушался и понял, что этот рык похож на зов о помощи. Саша с Базей решили узнать, кому нужна помощь. Подойдя к краю ямы, мальчик увидел на дне тигра.

Саша хотел помочь тигру, тогда Базя сказал:

- А вдруг он нас съест?

Тигр, услышав эти слова, ответил:

- В сказке тигры никого не едят.

После этих слов Саша опустил в яму палку, и тигр выбрался на поверхность.

- Спасибо тебе большое! Куда ты идёшь?- спросил тигр.

Мальчик ответил:

- Я, в месте с киской, иду в замок Потеряшки, хочу вернуть мои игрушки.

Тигр сказал:

- Садись на меня верхом, я тебя мигом домчу.

Мальчик сел на тигра и, тот его повёз по горам. Довезя его до горы с крутыми отвесами, тигр сказал:

- На вершине этой горы стоит замок Потеряшки. Дальше пойдёшь один, мне дальше нельзя.

Мальчик слез с тигра и, вместе с киской, стали подниматься на вершину горы. Гора была такая крутая, что мальчик несколько раз срывался, и чуть было не погиб, но благодаря своему мастерству и помощи кота, им удалось подняться на самую вершину, к замку. Вдруг перед ними возникли большие ворота и стена.

Подойдя к воротам, мальчик захотел их открыть, но вдруг ворота как закричат:

- Тебе сюда нельзя, мы тебе не откроем!

Тогда Саша, вместе с Базей, пошёл вдоль стены, думая как бы туда перебраться. Неожиданно мальчик увидел дерево, которое росло так, что одна из веток перегибалась через стену. Мальчик, с Базей, забрались по дереву и перебрались через стену.

Оказавшись по ту сторону стены, они увидели замок с большими воротами и окнами. Подойдя к воротам, мальчику не удалось их открыть. Тогда Саша, с Базей, стали думать, как туда попасть. Пройдя вдоль замка, наши путешественники увидели открытое окно, и они решили забраться через него. Это была кухня. Пройдя через кухню, они попали в чулан, где было много потерянных вещей и игрушек. Пройдя через чулан, мальчик вместе с киской, попали в тронный зал.

Посредине стоял трон, вокруг лежали игрушки, на стенах горели свечи.

Вдруг засверкала молния, поднялся сильный ветер, погасли свечи и в тронный зал влетела Потеряшка.

- Вот ты мне и попался!- Обрадовалась Потеряшка.

Саша сильно испугался, но сумел собраться и, вовремя вспомнил про фонарь. Мальчик зажёл его и увидел свою потерянную машину и, как закричит:

- Я нашёл свою машину!

- Не говори так!- Закричала Потеряшка.

Саша посветил в другое место и увидел пирамидку, потом мяч, совок, конструктор и начал говорить:

- Я нашёл!- Нашёл!

Потеряшка стала уменьшаться, уменьшаться и исчезла, а Саша с Базей оказались у себя дома со своими игрушками.

С тех пор Саша убирал за собой и, Потеряшка никогда больше к нему не приходила.

[Авторская страница Михаила Мартыненко на сайте Литературной газеты Путник](#)